Альманах
СЕМЕЙНАЯ МОЗАИКА

№ 4

ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ ХАЛТУРИН

Часть 1
Комсомольская юность

2003

Альманах

Семейная Мозаика

№ 4

В.И.Халтурин и Т.Г.Раутиан

ИВАН ИГНАТЬЕВИЧ ХАЛТУРИН

в нашей памяти, письмах, документах и фотографиях

Часть 1

Своя компаниЯ

Таррап, NY - Москва

2003

Дорогие внучки
ЛЕНА,
Ириша
и ОЛЯ!
Вот вам портрет-
ЗАГАДКА!

ОТГАДАЙТЕ -

КТО ЭТО?

ОТГАДАВШЕМУ
БУДЕТ
ВЫДАНА ПРЕМИЯ-
„ПОДАРОК".

ДЕДУШКА. ВАНЮШКА.

Для взрослых.
Чтобы и вы не остались без умственной работы - вот и вам загадка. Посмотрите, какой хороший парень, этот, который в кожаной курточке.
И что с ним стало спустя тридцать лет?.. Куда он истратил свой ум, свой талант, свою человечность?
Над этим стоит подумать, чтобы потом не пришлось задавать своим детям тот же вопрос. И. Х.

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МОЕГО ОТЦА ИВАНА ИГНАТЬЕВИЧА ХАЛТУРИНА

(16 апреля 1902 - 14 ноября 1969)

Я мало знал о нем. То меня и на свете не было, или я был мал. То я жил далеко от него (или он далеко от меня).

Теперь, когда я стал старше его – что могу я сказать о нем? Из того, что помню сам – мало. Но передо мной документы и фотографии, письма, написанные им и ему, упоминания, разбросанные в разных воспоминаниях (не о нем), несколько посвященных ему статей. Они содержат вехи биографии: имена, события, даты. Спасибо им за это, – многое я только оттуда и узнал. В них много любопытных противоречий, в которых просвечивает реальная жизнь, естественным образом не совпадающая с «письменной историей».

И вот теперь, вчитываясь в эти документы, перебирая в памяти наши с ним немногочисленные разговоры - я пытаюсь увидеть не просто этапы жизни, а хочу понять его становление как человека, друга своих друзей, как книголюба, литератора, просветителя. Как семьянина, отца, деда. Теперь я сильнее чувствую, чего стоило ему продираться через крутые повороты эпохи, что он сохранил, а что потерял из того, что дано ему было от рожденья, в чем был его талант. Все сильней поражаюсь тому, как рано и как четко он осознал свои устремления.

Я пытаюсь теперь мысленно проследить его путь «за пядью пядь», хватаясь за вехи, перепрыгивая через провалы, связывая концы, разгадывая противоречия. Спрашиваю его, глядя ему в лицо... на фотографиях. И иногда он отвечает мне. Пытаюсь понять его изнутри. Он хранил свой архив – документы, клочки записей, черновики своих писем, письма своих товарищей, в которых видны судьбы, реалии истории. Для кого их хранил? Сначала – для себя, как память, для Истории, как документы эпохи. Может быть, потом – для меня, моих детей и внуков.

Надеюсь, что если бы он мог прочесть эти страницы – хмыкнул бы иронично, но в глубине души был бы рад. Меня не покидает странное чувство, что он следит за этой моей работой, огорчается моими ошибками, недогадливостью, тем, что я забыл что-то очень важное. Радуется, когда я правильно угадал, заметил его «подсказки», понял его мотивы. Что я, хоть и поздно, но воспринял от него не только гены, но и что-то еще. А он было на это уж и надеяться перестал.

Виталий Халтурин,
2003 г.

Часть I
КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

КРЕСТЬЯНСКИЕ КОРНИ

Вяччкие, мужики хваччкие,
Семеро одного не боячча.
(Из народных дразнилок)

Игнат Захарович Халтурин

Иван Игнатьевич родился в деревне Кузнецово, Яранского уезда, Вятской губернии. До Яранска 15 верст, до железной дороги - 130, «и все лесом».

Отец его, Игнат Захарович (9 февраля 1878 – 16 апреля 1971) – из крестьянской семьи. Его родители – Захар Григорьевич (умер в 1921 г.) и Анна Васильевна. Два его брата, Константин Захарович и Яков Захарович, оба высокие, выше Игната Захаровича, служили в Петербурге, в гвардии, чуть ли не 25 лет. Потом вернулись в деревню, крестьянствовали. Были еще две сестры, Устинья и Феодосия.

Мальчиком Игнат Захарович был отдан в услужение богатому купцу, и за 20 лет дошел до старшего приказчика. Он жил постоянно в Яранске, в деревню к жене и детям являлся не часто и ненадолго. Был суров и держал всех в строгости. Мечтал завести собственное дело, экономил каждый грош, скопидомничал. На войне дед Игнат не был, а служил недолго ратником 2-го разряда на железной дороге.

Мать Ивана Игнатьевича, Анна Федоровна, урожденная Смирнова (22 декабря 1882 – сент. 1964) родом была из деревни Большое Поле. Родители ее – Федор Федорович Смирнов и Устинья (Уртминцева?).

Анна Федоровна Халтурина (Смирнова).

Детей было трое: Иван – старший, Капитолина и Михаил.

К началу 1917 года дед, наконец, скопил достаточно денег и уже купил было лавку с одним окном в Яранском Гостином дворе. Но тут настала революция и все его мечты рухнули. Так что можно представить, как дед Игнат относился к революции и к большевикам до последних лет своей жизни.

В начале 1920-х Игнат Захарович и Анна Федоровна разошлись. Когда дети уехали в Ленинград учиться, к ним перебралась и Анна Федоровна. Дед остался в Яранске и стал работать экспедитором спиртового завода и директором водочного магазина, где работал один. Женился на офицерской вдове Анне Алексеевне Локтевой. Это он ощущал как шаг вверх по социальной лестнице. Анна Федоровна ведь была простая деревенская женщина. Она и грамоте-то выучилась уже после революции.

В 1930-х годах дед Игнат переехал в Котельнич, где приютил меня во время войны, когда мой отец был в армии, а мама – в блокадном Ленинграде. Анна Алексеевна его потом бросила. На старости лет он уехал в Ливны и жил там одиноко до самой смерти.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Старшим сыном Иваном дед гордился и мечтал сделать его своим наследником и преемником. Отдал его в церковно-приходское училище в Яранской слободе. Я еще застал это неказистое бревенчатое здание. После трех лет училища Иван поступил в 1913 году в мужскую гимназию в Яранске и жил с отцом. Учился хорошо, стал много читать.

Здание яранского церковно-приходского училища

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЗЕМСКИЙ НАЧАЛЬНИК
I участка
Яранского уезда
Вятской Губернии
Августа 14 числа 1913 г.

Настоящим удостоверяется. что Иван Игнатьевич Халтурин сын крестьянина Комаровской волости дер.Кузнецовой. Удостоверение, как подлежащее представлению в мужскую гимназию, оплате гербовым сбором не подлежит.

Земский начальник (*Чистосердов*)

Яранск – город глухой, далекий от столиц. Однако же это был уездный центр – со всеми атрибутами центра: городской сад, обязательные прививки оспы, гимназия, собор, тюрьма, здание театра. В нем потом происходили митинги.

Гимназия считалась достопримечательнотью Яранска. Далеко не в каждом уездном городе была гимназия. Библиотеки гим-назические комплектовались продуманно. Похоже, Иван прочел ее всю. Он сохранил свою гимназическую тетрадь с сочинениями в 4 классе. К этому времени он читал уже Гёте и Байрона. В классном сочинении он пишет:

Что же нашел гимназист 4 класса в этих книгах? Его привлекают герои, в которых он видит любовь к свободной мысли, свободному творчеству. Даже в сочинении «на вечную тему» – о лете – он ценит в летнем времени радость общения с природой, свободу от «противной лавчонки папы», свободу от обязанности делать то, чему сопротивляется душа.

Иван-гимназист очень много читает. На него обрушивается лавина слов, которые он никогда не слышит в окружающей его жизни. Он не всегда успевает «переварить» их и точно понять их смысл. Любопытно смешение ***alma mater*** и ***alter ego*** – в сочинении он называет гимназию **«*alter mater*».** Но уже с гимназических лет проявляется его внимание к языку, чувство стиля - мы увидим это и позже, в его газетной работе. **«*Один дурак может задать столько вопросов, что...*»** - сейчас это уже банально**.** Но кто знает – откуда это? А Иван - знает. Позже, в письме Зине он пишет: «...как сказал Гете,...».

Мы питаемся вторичным продуктом, Иван читает подлинники.

«Во вторник я взял в библиотеке гимназии книгу Байрона «Каин».
«Каин мне нравится больше всех, потому что он является невольным страдальцем, потому что он первым пытался разгадать вопросы, почти не доступные уму человеческому...». «Эта книга похожа на «Фауста», сочинение Иоганна Гете, которую я тоже люблю. Из других сочинений Байрона мне нравится «Манфред».

Чем же дышит, что хочет делать гимназист 4 класса Иван Халтурин в это время? Вот перед нами письмо, которое он написал в «Клуб Родника[1]». Этот клуб — предвестник Интернета:

Прошу записать меня в «Клуб Родника». Желаю переписываться по самовоспитанию, самообразованию и литературе. Иван Халтурин. Яранск, Вятск.губ. Мужск. гимназия, уч. 4 класса.

Начался он в 1882 г. и осуществлял всероссийское общение по интересам. Медленнее, чем Интернет, конечно, но этот Клуб «Родника» раздвигал горизонты и возможности развития любознательной молодежи еще более ста лет тому назад. Еще в позапрошлом, 19-м веке... А вот и другое письмо в клуб[2]. Это уже весна 1917 года, после Февральской революции.

Товарищи! Я собираю коллекцию печатных, рукописных и др. материалов, относящихся к нашей революции. Так как я живу в забытом Богом и людьми городе, где общественное движение отразилось очень слабо, и не могу собрать много интересного, то обращаюсь с горячим призывом к вам, товарищам по «Клубу», живущим в более крупных центрах. Присылайте мне все имеющиеся у вас, но ненужные вам воззвания, брошюры, листки, номера революционных и других органов печати, изданий комитетов ученических, учительских, земских и других организаций, номера местных «бюллетеней», жетоны, открытки — одним словом, все то, что относится к освободительному движению. За все присланное буду очень благодарен и постараюсь всем, приславшим мне что-либо, быть, в свою очередь, полезным.

Яранск, Мужская гимназия
Иван Халтурин

Удивительное для 15-летнего человека чувство истории, взгляд на сиюминутные события как бы уже из будущего, понимание важности сохранить живую реальность исторического момента. Сохранить все то, что потом - увы! - уничтожалось, сжигалось, спускалось в унитазы, выносилось на свалки, что скрывалось от детей и внуков, от самих себя... Что было заменено профильтрованной официальной историей.

Обращение «Товарищи» - еще не имеет «большевистского» ритуального смысла. Ведь еще недавно был в ходу *товарищ министра* или *товарищ городского головы,* это означало заместителя. В обращении Ивана оно звучит как «единомышленники». Фотография Вани (еще в гимназической фуражке, но уже без кокарды) — это вырезка из группового фото. Около 100 человек, большинство которых такие же мальчишки, тоже в фуражках. Несколько человек - взрослые. Повидимому, это съезд Союза учащейся молодежи[3]. Иван стоит с краю, он еще новичок в этой компании. Фуражка лихо набекрень. На лице живой интерес и предвкушение, почти озорная готовность к будущему - которое своими руками....

Скорее всего, это осень 1917 или весна 1918. Запомним это лицо, его выражение - потом оно изменится, отражая следующий этап его жизни.

Группа снята около фундаментального здания, по-видимому, собора. Где это? Не знаю. Над группой возвышается нечто — похоже, что хоругвь наскоро переделывали в фигуру революционной символики. Но не успели закончить.

1 Оно опубликовано в «Роднике» в 1917, №1, стр.178.

2 Опубликовано в «Роднике», 1917, № 5-6, стр.436.

3 Был такой в еще докомсомольский период. Мы знаем, что библиотека этого Союза впоследствии была передана в ведение комсомола.

|Посмотрим на других участников этого молодежного сборища. Почти нет женских лиц. Но вот, в центре – высокий человек, блондин в белой рубашке. Он появляется потом, вместе с Иваном, на других групповых фотографиях, вятского комсомольского периода. Может, это Костерин, один из руководителей уездного, а позже губернского масштаба. Подпись Костерина стоит на некоторых важных документах, касающихся Ивана.

Видно, что этот съезд – важное событие, начало общественной жизни моего отца.

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ

1917-1918

Итак, до Яранска дошли волны революции, город закипел: митинги, собрания, демонстрации. Игнат Захарович потерял все: и не только лавку – в начале 1918 реквизировали его дом. Любимый сын Иван весь был захвачен новыми веяниями и оказался в стане ненавистных революционеров. Не каждый рожден такое перенесть. Игнат Захарович проклял сына, отрекся от него, и до самой войны потом они не встречались и не переписывались.

Осенью 1917 Иван начал было учиться в 5 классе гимназии, ставшей Советской Трудовой школой 2-й ступени. Но весной 1918 школу бросил. В автобиографии отец пишет, что из гимназии его исключили за непосещение уроков закона божьего. Уже шел 1918, а еще такие строгости насчет закона божьего...

Яранский уездный исполком
Отдел народного образования
Подотдел внешкольный

28 января 1919 года

Библиотекарю Яранской
Центральной библиотеки
И.И.Халтурину

Постановлением Отдела Народного Образования от сего числа за N 38 вы назначаетесь библиотекарем Справочной Библиотеки с 28 января. Сообщая об этом, отдел просит Вас вступить в новую должность и по описи принять от Андреева библиотеку.

Зав. Отделом *Костерин*

Кругом бурлила новая жизнь, и Иван не мог оставаться в стороне. С головой ушел в новую жизнь. В культурно-просветительскую работу. Был библиотекарем в гимназической библиотеке, в учительской, потом в детской, в сельской. После того, как порвал с отцом, Иван даже жил некоторое время в библиотеке. Именно любовь к книге определила первые шаги его самостоятельной жизни. В конце 1918 года он уже библиотекарь Яранской Центральной библиотеки. А справочный отдел, коим теперь заведует, он сам же и организовал.

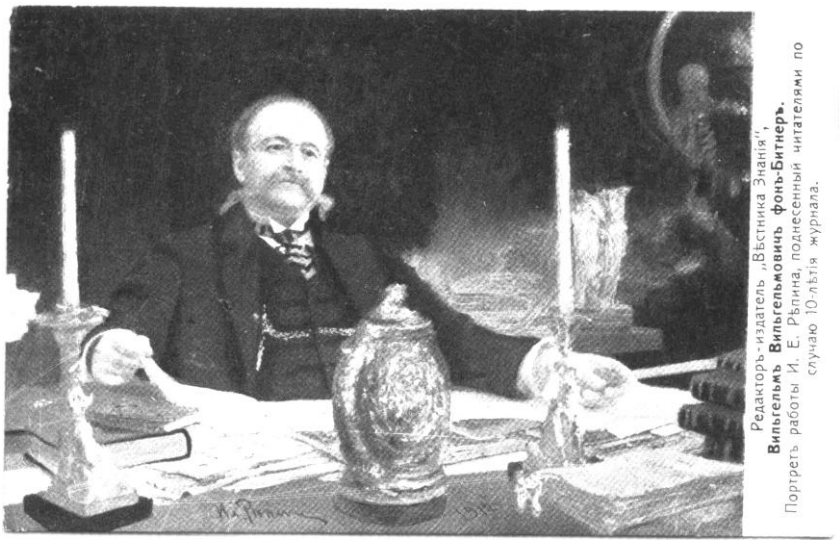
Аркадий Богатырев в «Литературных портретах» так описывает Ивана Халтурина, читателя:

«...вот роешься на полках библиотеки бывшего Союза учащейся молодежи, ставшей достоянием комсомольского клуба, и везде находишь пометки, сделанные халтуринской рукой. Диву даешься, когда же он успел прочитать все это.»

«Любимыми его авторами были Рубакин и Владиславлев, эти выдающиеся библиографы, деятели в области самообразования». «...у него на столе – груда карточек, куда он заносит и название прочитанной книги, и ее краткое содержание, и особенно полюбившиеся ему строки.»

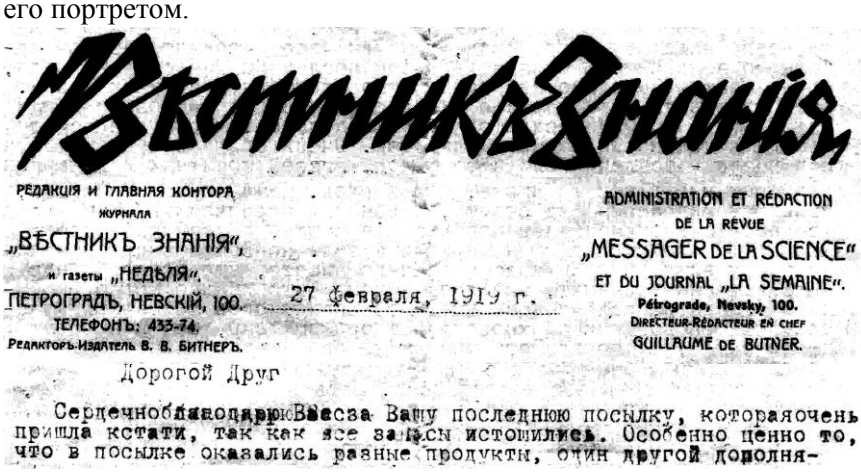
В это время произошла очень важная для Ивана встреча. В Яранск приехала Анна Константиновна Покровская читать молодым библиотекарям лекции по библиографии и библиотечному делу. Вот с этого момента началась их дружба на всю жизнь. Она возникла на почве того понимания и вкуса к книге, к библиографии, к самообразованию, которое был у них обоих. Иван многому научился у нее и стал замечательным библиографом.

Иван-библиотекарь активнейшим образом старается пополнять библиотеку. Уже в августе 1918, а потом и зимой 1918-1919 он выписывает из Петрограда многие сотни книг, как общеобразовательных, так и по истории, политэкономии, по социальным движениям. Осень и зима 1918-19 в Питере голодная. Это определило и способ комплектации библиотеки. Иван переписывается с известным издателем журнала «Вестник Знания», Битнером.



Редакторъ-издатель „Вѣстника Знанія".
Вильгельмъ Вильгельмовичъ фонъ-Битнеръ.
Портретъ работы И. Е. Рѣпина, поднесенный читателями по случаю 10-лѣтія журнала.

Битнер был весьма уважаемым деятелем культуры. Вот открытка с его портретом.



Вѣстникъ Знанія

РЕДАКЦІЯ И ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЗНАНІЯ", и газеты „НЕДѢЛЯ". ПЕТРОГРАДЪ, НЕВСКІЙ, 100. ТЕЛЕФОНЪ: 433-74. Редакторъ-Издатель В. В. БИТНЕРЪ.

ADMINISTRATION ET RÉDACTION DE LA RÉVUE „MESSAGER DE LA SCIENCE" ET DU JOURNAL „LA SEMAINE". Pétrograde, Nevsky, 100. DIRECTEUR-RÉDACTEUR EN CHEF GUILLAUME DE BUTNER.

27 февраля, 1919 г.

Дорогой Друг

Сердечно благодарю Вас за Вашу последнюю посылку, которая очень пришла кстати, так как все запасы истощились. Особенно ценно то, что в посылке оказались разные продукты, один другой дополня-

Оригинал портрета работы И.Е.Репина, был поднесен Вильгельму Вильгельмовичу читателями по случаю 10-летия журнала. Иван шлет ему в Питер муку, крупу, замороженных жареных гусей, другие продукты. Битнер в ответ шлет пудовые посылки с книгами, трогательно благодарит за присланное, просит присылать еще муки и гусей, и жалуется на новую власть, которая запретила посылки тяжелее 3 пудов (!). Однако, жареные гуси навели соседей на нехорошие мысли. Бедняге Битнеру пришлось еще доказывать, что он не спекулянт. Спасибо, в Домовом комитете бедноты нашлись понимающие люди и подписали издателю спасительную справку.

Телеграфъ.

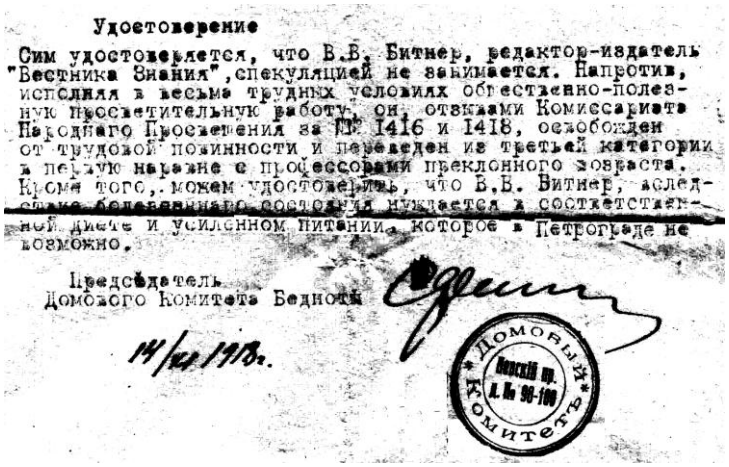
Телеграмма

№ 5-50.

Изъ Петрограда

Адъютанта разстроганы сердечно спасибо посылки книги высылаем

Битнер



Удостовѣреніе

Сим удостоверяется, что В.В. Битнер, редактор-издатель "Вестника Знания", спекуляцией не занимается. Напротив, исполняя в весьма трудных условиях общественно-полезную просветительную работу, он отказами Комиссариата Народнаго Просвещения за №№ 1416 и 1418, освобожден от трудовой повинности и переведен из третьей категории в первую наравне с профессорами преклонного возраста. Кроме того, можем удостоверить, что В.В. Битнер, вследствие болезненного состояния нуждается в соответственной диете и усиленном питании, которое в Петрограде не возможно.

Председатель Домового Комитета Бедноты

14/II 1919.

Домовый Комитетъ

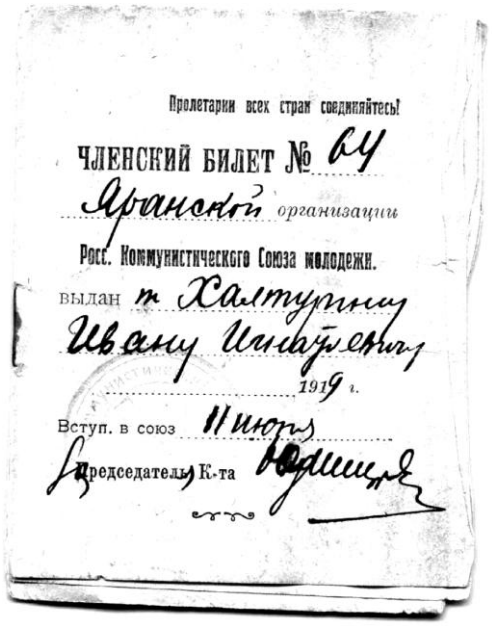
А Иван-библиотекарь в свои 16-17 лет проявил себя не просто книголюбом, но весьма решительным, предприимчивым и самостоятельным человеком.

1919

Какова же была политическая ориентация Ивана Халтурина в это бурное время?

В своей автобиографии отец написал, что вступил в комсомол в 1919 году. Но из статьи Богатырева выясняются неожиданные для меня подробности. Оказывается, не в 1919, а еще в 1918, 21 октября, яранская молодежь собралась в кинотеатре «Прогресс»[1], чтобы создать молодежную организацию. Назвали ее «Социалистический союз молодежи» и Иван был первым, кто вступил в нее. Спустя почти год, летом 1919 эта организация стала комсомолом.

Василий Клюкин[2], который очень тщательно занимался историей комсомола и защитил об этом диссертацию, рассказывал мне, что он нашел в Яранском музее протокол собрания яранской ячейки комсомола, в самом начале 1919. Там написано, что Иван Халтурин:


Пролетарии всех стран соединяйтесь!

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 64

Яранской организации

Росс. Коммунистического Союза молодежи.

выдан т. Халтурину

Ивану Игнатьевичу

1919 г.

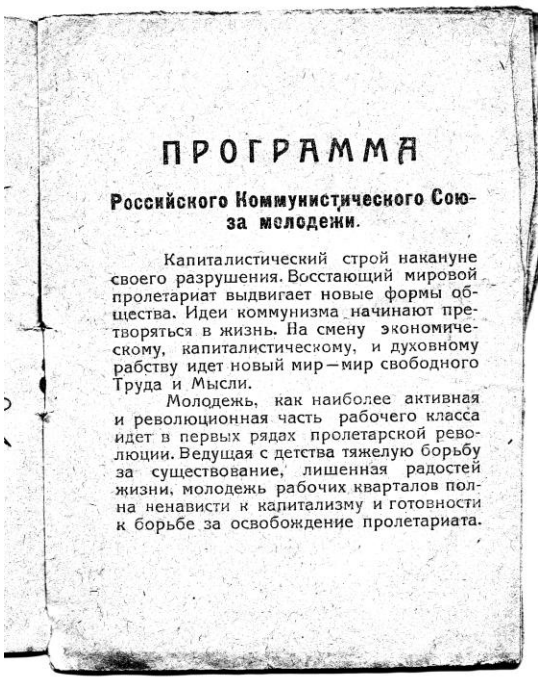
Вступ. в союз 11 июня

Председатель К-та

> *«водил компанию с анархистами, а последнее время, к сожалению, (!) стал склоняться к коммунистам».*

Знать, не очень-то просто было найти свой путь в кипящем котле политических страстей 1918-1919 годов!

Но все же Иван «склоняется к коммунистам». На первой странице Программы Комсомола, (напечатанной в комсомольском билете) прекрасные слова о свободном Труде и Мысли. Ведь это и есть то самое, чего жаждет его душа!


ПРОГРАММА

Российского Коммунистического Союза молодежи.

Капиталистический строй накануне своего разрушения. Восстающий мировой пролетариат выдвигает новые формы общества. Идеи коммунизма начинают претвориться в жизнь. На смену экономическому, капиталистическому, и духовному рабству идет новый мир—мир свободного Труда и Мысли.

Молодежь, как наиболее активная и революционная часть рабочего класса идет в первых рядах пролетарской революции. Ведущая с детства тяжелую борьбу за существование, лишенная радостей жизни, молодежь рабочих кварталов полна ненависти к капитализму и готовности к борьбе за освобождение пролетариата.

Комсомол на самом деле не был организован «сверху». Он начал возникать снизу. По крайней мере в Яранске он возник естественно, из молодого нетерпения самим построить новую жизнь в соответствии со своими идеалами, в виде первоначального «Социалистического Союза». Тогда много возникало союзов – например, был «Союз учащейся молодежи». В эти времена первобытный энтузиазм, чувство свободы и самостоятельности охватило и вдохновило активную часть молодых. Центральная комсомольская власть не доминировала еще. Мы находим следы этого ощущения самостоятельности в некоторых, казалось бы, мелочах. Например, комсомольский билет, который получил Иван, называется не просто комсомольским билетом, а билетом ***Яранской*** комсомольской организации Российского комсомола. Потом, два года спустя, он получил другой билет, уже ***Вятской*** организации. Они чувствовали себя членами своей, местной организации, а Российский комсомол – совокупностью таких местных организаций

Даже в 1926 Ивана исключали <u>из списка коллектива</u> (Ком.Унив. Зиновьева), а не <u>из партии.</u>

---

[1] Думаю, это то здание, в котором до революции был театр, потом оно стало называться клубом, и называлось так, по крайней мере, в 1921, а, может быть, и позднее. Мы встретимся с Иваном в этом здании в мае 1921. Кинотеатром «Прогресс», думаю, он стал позже.

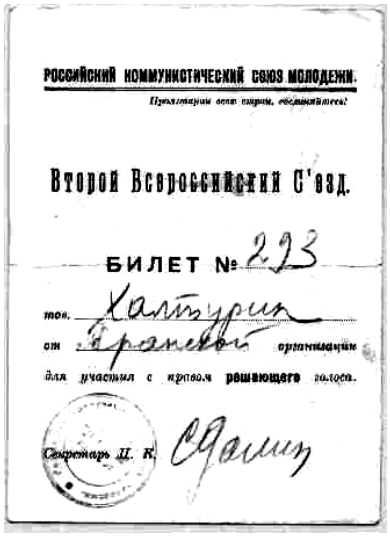
[2] Клюкин написал книгу «Юные коммунисты», которая вышла в Кировском книжном издательстве в 1960 г. На экземпляре, который он подарил папе, есть надпись: ***«Человеку, который помог воссоздать, восстановить боевой путь Вятской комсомолии – Ивану Инатьевичу Халтурину – на добрую память от автора».*** Но упоминаний об отце там очень мало, да и те вроде *«в Москву на съезд поехали...»,* или *«Среди поэтов и журналистов выделялись...».* Хотя знал он о Халтурине много живых подробностей.

Но вернемся к Ивану. Получив свой членский билет, он тут же, 20 июня, поехал в Нижний Новгород[1]. И с этого момента вихрь бурной комсомольской активности подхватил и завертел его.

ЯРАНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ	МАНДАТ
17 июня 1919	сей выдан члену Яранской организации Российского Коммунистического Союза
№ 232	*Молодежи ИВАНУ ИГНАТЬЕВИЧУ*
г.Яранск	*ХАЛТУРИНУ в том, что он делегируется*
Вятской губернии	*Организацией в Нижний Новгород на Совещание Агит-Просвет-Коммун ячеек, имеемое быть 25 июня 1919 года, что*
(печать)	*подписью и печатью удостоверяется.*
Председатель Комитета Организации *(А.Краснов)*	
Тов. Председателя	*(подпись)*
Секретарь	*(Юдинцев)*

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь"!
Российский Коммунистический Союз Молодежи.
БИЛЕТ
№ 159
Члена ВЯТСКОЙ ГОРОДСКОЙ
организации 2-ГО района.
Тов. ХАЛТУРИНА ИВАНА ИГНАТЬЕВИЧА
Вступил 20 ИЮНЯ 1919 г.
Секретарь

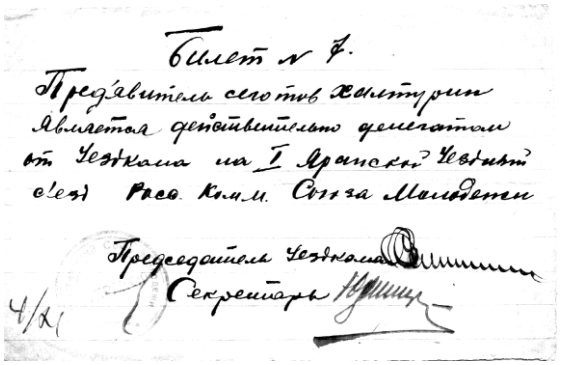
Съезды, совещания, конференции идут одни за другими. Иван впервые едет в Москву на Всероссийский комсомольский съезд – вот его билет делегата за № 293.


РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Второй Всероссийский С'езд.
БИЛЕТ № 293
тов. Халтурин
от Яранской организации
для участия с правом решающего голоса.
Секретарь Ц. К.

Осенью 1919 г собирается Яранский уездный Съезд комсомола, и Иван – делегат. Он рассказывает там о Всероссийском съезде. И, верный своему устремлению просветителя, говорит о первейших задачах комсомола. Это ликвидация неграмотности, культурно-просветительная работа в деревне.

Иван - член уездного комитета, клубный инструктор, зав. Политпросветом. Он много ездит, создает комсомольские ячейки, передвижные библиотеки, проводит читки и беседы, «Неделю Красной молодежи». Он организует митинг-концерт с воскресником, посадкой деревьев и с народным гуляньем в Городском саду Яранска.

В октябре 1919, когда Колчак надвигался в вятские пределы, Иван проводил по деревням 30%-ную мобилизацию комсомольцев. Но до Вятки Колчак не дошел и гражданская война Ивана не затронула.


Билет № 7.
Предъявитель сего тов. Халтурин
Является действительно делегатом
от Уездкома на I Яранской Уездный
с'езд Росс. Комм. Союза Молодежи
Председатель Уездкома
Секретарь
4/XI

к Гражданам г. Яранска.
Празднование международного праздника трудящихся 1-го мая начинается по постановлению Ц. К. Р. К. П. всенародным воскресником.
Члены Р. К. П., Р. К. Союза молодежи, профсоюзов, красноармейские части, советские служащие и все трудоспособные и честные граждане г. Яранска являются организованным порядком с лопатами и топорами к 9 ч. утра на КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ. Сюда же прибывает и духовой оркестр.
После краткого МИТИНГА, посвященного дню 1-го мая, собравшиеся распределяются на следующие работы:
1. на посадку деревьев по берегу р. Ярани,
2. по закладке нового питомника,
3. на работы в старом питомнике и т. д.
Вечером для участников воскресника Уотваробом устраиваются СПЕКТАКЛИ, КОНЦЕРТЫ, МИТИНГИ по следующей программе!
1. НАРОДНЫЙ ДОМ ДЯДЯ ВАНЯ
Вход по бесплатным билетам раздаваемым комиссией по проведению праздника 1-го мая
Начало СПЕКТАКЛЯ ровно в 8 ч веч.
2. Красноармейский клуб Песнь горя пьеса в 3-х действиях.
СПЕКТАКЛЬ для красноармейцев Яранского гарнизона. НАЧАЛО В 9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА.
3. 3-я школа II ступени (Б. ЖЕНСК. ГИМНАЗ.)
КОНЦЕРТ
Начало в 9½ ч. веч. ровно.
4. Городской сад
КОНЦЕРТ-МИТИНГ при участии оратора, певчих и духового оркестра
Начало в 6 час. веч. ровно. Вход для всех.
Со словами выступят т. т. Волков, Дьячков, Зыков, Зыков, Красильников, Костерин, Силин, Симонов, Сладкевич, Халтурин, Хренов, Цапаев и др.
Первомайская Комиссия

Как заведующий справочной библиотекой, он организует (в порядке подготовки к съезду) книжную выставку по вопросам внешкольного воспитания. Недаром в его профсоюзном билете было написано:

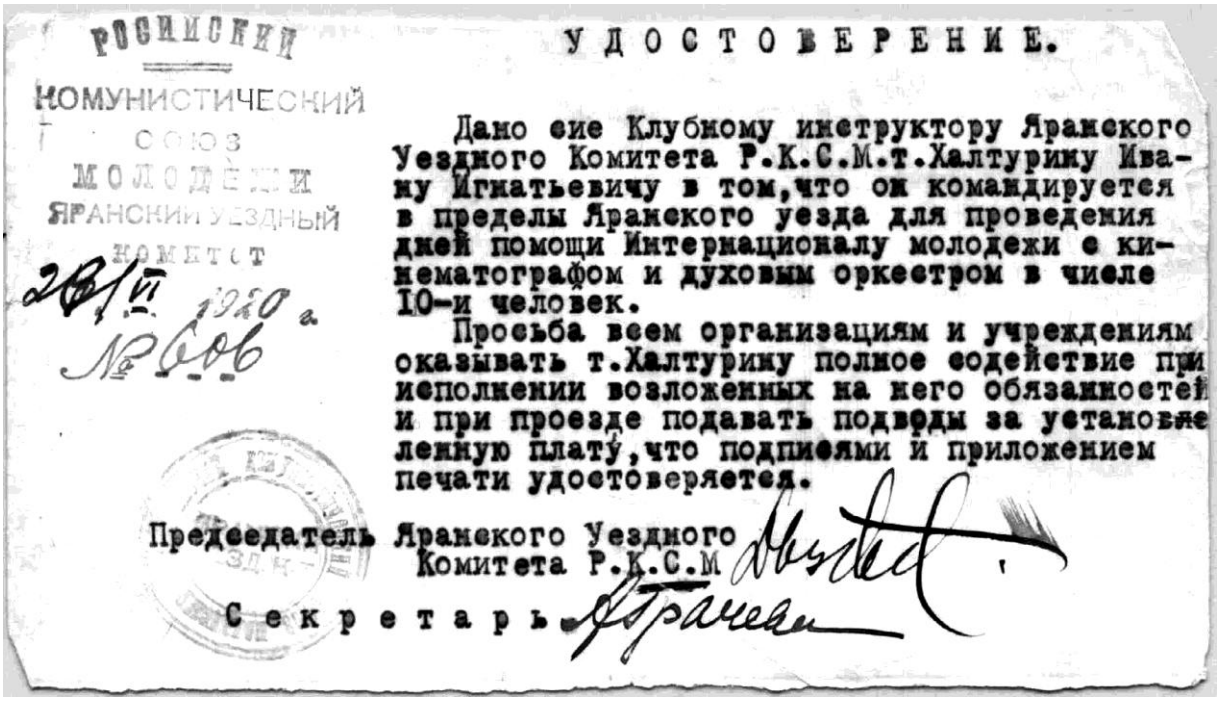
Профессия: внешкольник. В этом профсоюзе (Работников просвещения и социалистической культуры) он состоит с 1919 года.

[1] На обороте мандата надпись: ***«Временная карточка с 20 VI на 5 дней».***

1920, январь-июль

В январе 1920 Иван уже председатель Яранского Уездкома комсомола. Он едет в Вятку. У него сразу две командировки: на губернскую профсоюзную конференцию (15 января) и на пленум Губкома (16 января). Пленум – это не съезд, тут участникам намного легче узнать друг друга.

Вероятно, именно тогда наметился его перевод в Вятку. В июне в Яранске уже другой председатель уездного Комитете – Двудед. А Иван продолжает бурную деятельность в родном Яранском уезде. Как клубный инструктор, он организует яркое мероприятие: тур по уездным деревням. С кинематографом! С духовым оркестром! Можно себе представить впечатление



РОСИЙСКИЙ
КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ
МОЛОДЁЖИ
ЯРАНСКИЙ УЕЗДНЫЙ
КОМИТЕТ

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие Клубному инструктору Яранского Уездного Комитета Р.К.С.М.т.Халтурину Ивану Игнатьевичу в том,что он командируется в пределы Яранского уезда для проведения дней помощи Интернационалу молодежи с кинематографом и духовым оркестром в числе 10-и человек.

Просьба всем организациям и учреждениям оказывать т.Халтурину полное содействие при исполнении возложенных на него обязанностей и при проезде подавать подводы за установленную плату,что подписями и приложением печати удостоверяется.

Председатель Яранского Уездного Комитета Р.К.С.М

Секретарь

2/I VI 1920 г.
№ 606

деревенской молодежи от такого события. Они никогда такого не видали! Кино - задолго до «электрификации всей страны»! Видимо, уже были тогда устройства, похожие на то, что потом называлось «солдат-мотор».

Иван в центре событий, он придумывает программу, собирает участников, составляет маршрут. Без него не возникают подводы и прочее жизнеобеспечение бригады. Иван рассказывает о новой жизни, о прекрасном будущем и, прежде всего – о пользе грамотности. Конечно же, у него мандат. На обороте – с трудом читаемая запись карандашом:

Хлебное довольствие по 1 ½ фунта в день, папиросы 50 шт, соли ¼ фунта на 5 дней выдано.

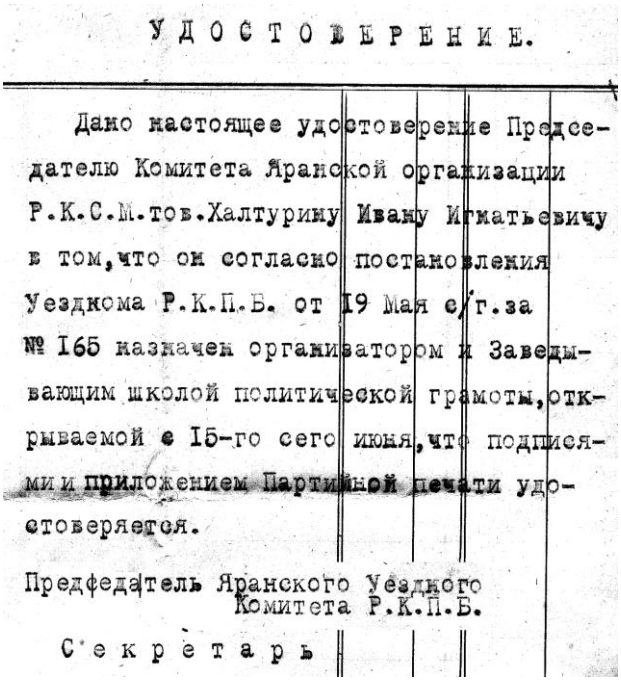
В июне 1920 в Яранске открывается 2-ой Общеуездный Съезд Советов[1]. И хотя, в мандате написано, что он член РКПб, это просто недосмотр вписавшего его имя в стандартную справку.

*Предъявитель сего член РКП тов. Халтурин действительно **делигат** второго общеуездного* съезда

Тогда еще в Советах были «фракции». Какие? Вряд ли еще эсеров и анархистов. Но фракция коммунистов – была. Иван получил фракционный мандат. От большевиков.

Еще одна должность – Иван назначается организатором и заведующим школы политграмоты, которая открывается 15 июля 1920 года.

[1] Мандат напечатан на темно-синей бумаге. Фамилия Ивана написанная синими выцветшими чернилами почти не читается... Еле видна буква Х.



УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано настоящее удостоверение Председателю Комитета Яранской организации Р.К.С.М.тов.Халтурину Ивану Игнатьевичу в том,что он согласно постановления Уездкома Р.К.П.Б. от 19 Мая с/г.за № 165 назначен организатором и Заведывающим школой политической грамоты,открываемой с 15-го сего июня,что подписями и приложением Партийной печати удостоверяется.

Председатель Яранского Уездного Комитета Р.К.П.Б.

Секретарь

Аркадий Богатырев в своей статье «Два литературных портрета» пишет:

> ***«...была создана уездная политшкола на 50 человек. Лекции читали весьма солидные люди. Но одним из лучших лекторов оказался Иван Халтурин. Он рассказывал слушателям и об истории книгопечатания в России, и о новейших открытиях в области техники и естествознания, знакомил с памятниками античной литературы, передавал содержание Коммунистического Манифеста.»***

ВЯТКА

1920, август-декабрь.

Вести занятия в политшколе осталось ему не долго. С августа 1920 он переведен в Вятку, где заведует политпросвет отделом Вятского Губкома комсомола.

Вятка – далеко не захолустный город. Там хорошая библиотека, основанная когда-то сосланным туда Герценом[1]. Александр Иванович построил большое здание специально для библиотеки, заказывал для нее многие сотни книг. Библиотека существует до сих пор и заслуженно носит имя Герцена. Первой военной зимой 1941-42 года Таня[2] просиживала там целые дни, проглатывая классиков. Дома холодно, в школу – в четвертую смену, с 7 до 12.

Я побывал там в 1967 и видел полку книг, которые отец регулярно посылал библиотеке.

Иван много работает в библиотеке, привлекает туда новых читателей, еще больше читает сам. Он и здесь организует справочный отдел, и пишет вместо вывески – лозунг:

Умей спросить - ответ найдется

Богатырев в своих «Литературных портретах» описывает такую сценку. Иван Халтурин в Вятке, в библиотеке им.Герцена, среди ее сотрудников. Спрашивает:

> ***- А почему на ваших полках нет ни одной книги Адама Смита?***
> ***- Его книги не издавались на русском языке – ответил чей-то неуверенный голос.***
> ***- Неправда, издавались. В библиотеке Яранской мужской гимназии имелось полное собрание его сочинений.***

---

1 Вот были времена! Политссыльный Герцен служил вице-губернатором...

2 Таня – Татьяна Глебовна Раутиан.

Списки книг для комплектации гимназических библиотек составлялись специальной комиссией в столице. В Яранске Адам Смит был и Иван читал его. Мы знаем, что Иван в огромных количествах поглощал политическую, социальную и экономическую литературу. Не только читал в библиотеке – но и покупал для себя.

Неясно, почему Адама Смита не было в Вятской библиотеке. В то время (до 1923 года) еще не изымали из библиотек «буржуазных экономистов». Вс. Лебедев, например, говорит, что ***«идеалисты» и «материалисты» в библиотеке стояли на одной полке, без разбору.*** Значит, и в старые времена Адама Смита в ней не было, а потом не озаботились.

Мы видим, что комсомольская деятельность Ивана имеет четкое просветительское направление. Он сам вышел из деревни, вышел благодаря гимназии, библиотеке и самообразованию. Он это ценит и чувствует каждый день, встречаясь с людьми – подчас талантливыми, но не образованными. Он хочет помочь всем, кому – кружком ликбеза, кому – библиотекой, справочным отделом, выставкой, кинофильмами, партшколой, подталкивая к чтению, самообразованию, организуя возможность увидеть мир за пределами своей деревни.

ПРОПУСК ВСЮДУ

№ 704

Председатель Комиссии по организации Октябрьских Торжеств

Секретарь

Без печати Центральной Комиссии недействителен.

Можно представить себе, сколько требовалось для этого хлопот: собрать их из деревень, привезти в Вятку, билеты, вагоны, продовольствие, жилье в Питере. Они вообще нигде в жизни не бывали! Проще простого отстать от своих и потеряться в праздничной толпе!

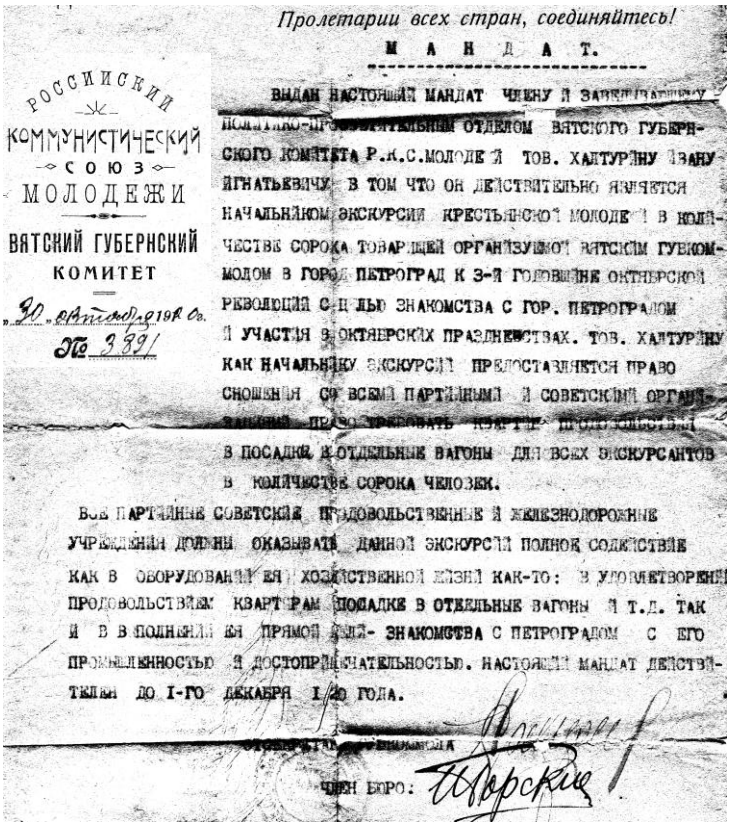
Чтобы осмотреть достопримечательности в городе – не пешком же! – нужен транспорт. Что именно они смотрели? Город? Дворцы? Заводы? Само ничего не делается. У него уже есть опыт таких мероприятий, правда, у себя в Яранском уезде. А в Питере он сам впервые. Но уже бывал в Москве и немного познакомился с тем, как все устроено в столицах. И активности ему не занимать.

Везут с собой паек на 14 дней! Что это за продовольствие? Хлеб, соль, табак...

6 ноября они, сорок человек, прибыли в Питер.

Трехлетие Октябрьской революции

Осень 1920. Страна готовится к грандиозному празднованию дня революции. И Иван едет в Петроград, эту колыбель революции, с большой группой деревенской молодежи. Сорок человек! Он начальник экскурсии.



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

М А Н Д А Т.

РОССИЙСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

ВЯТСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ

№ 3991

ВЫДАН НАСТОЯЩИЙ МАНДАТ ЧЛЕНУ [illegible] ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ ВЯТСКОГО ГУБЕРНСКОГО КОМИТЕТА Р.К.С.МОЛОДЕЖИ ТОВ. ХАЛТУРИНУ ИВАНУ ИГНАТЬЕВИЧУ В ТОМ ЧТО ОН ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЯВЛЯЕТСЯ НАЧАЛЬНИКОМ ЭКСКУРСИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В КОЛИЧЕСТВЕ СОРОКА ТОВАРИЩЕЙ ОРГАНИЗУЕМОЙ ВЯТСКИМ ГУБКОМОМ В ГОРОД ПЕТРОГРАД К 3-Й ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С ЦЕЛЬЮ ЗНАКОМСТВА С ГОР. ПЕТРОГРАДОМ И УЧАСТИЯ В ОКТЯБРЬСКИХ ПРАЗДНЕСТВАХ. ТОВ. ХАЛТУРИНУ КАК НАЧАЛЬНИКУ ЭКСКУРСИИ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПРАВО СНОШЕНИЯ СО ВСЕМИ ПАРТИЙНЫМИ И СОВЕТСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ ПРАВО ТРЕБОВАТЬ КВАРТИР ПОСАДКИ В ОТДЕЛЬНЫЕ ВАГОНЫ ДЛЯ ВСЕХ ЭКСКУРСАНТОВ В КОЛИЧЕСТВЕ СОРОКА ЧЕЛОВЕК.

ВСЕ ПАРТИЙНЫЕ СОВЕТСКИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОЛЖНЫ ОКАЗЫВАТЬ ДАННОЙ ЭКСКУРСИИ ПОЛНОЕ СОДЕЙСТВИЕ КАК В ОБОРУДОВАНИИ ЕЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ КАК-ТО: В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ КВАРТИРАМ ПОСАДКЕ В ОТДЕЛЬНЫЕ ВАГОНЫ И Т.Д. ТАК И В ПОДНЯТИИ ЕЯ ПРЯМОЙ ЦЕЛИ- ЗНАКОМСТВА С ПЕТРОГРАДОМ С ЕГО ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬЮ. НАСТОЯЩИЙ МАНДАТ ДЕЙСТВИТЕЛЕН ДО 1-ГО ДЕКАБРЯ 1920 ГОДА.

ЧЛЕН БЮРО:

Трехлетняя годовщина праздновалась с энтузиазмом. Город украшали, кажется, и Шагал, и Петров–Водкин, и даже Пунин руку приложил. Всю Дворцовую площадь (тогда – площадь Урицкого) одели огромным, километровой длины кумачом. Можно представить себе впечатления деревенских ребят – и радость начальника экскурсии, который сумел все это совершить. Наверняка эта экскурсия была описана в вятской прессе - вот бы найти...

1921

Иван попрежнему участвует, кажется, во всех возможных съездах, совещаниях, комиссиях - и когда только он успевает еще читать?

ВСЕРОССИЙСКОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПОЛИТПРОСВЕТ-РАБОТЕ ГУБЕРНСКИХ и ОБЛ. КОМИТЕТОВ Р. К. С. М.

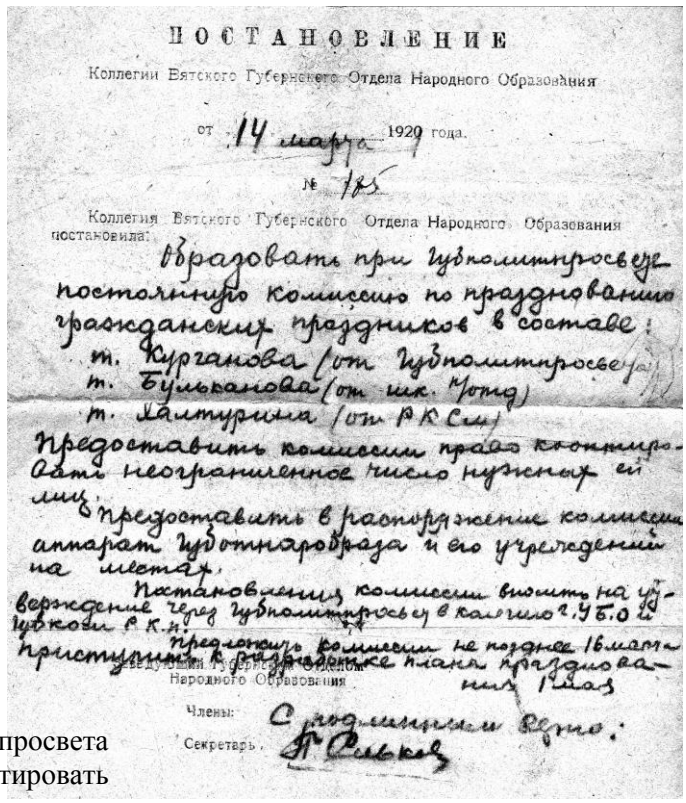
Делегатский билет № 48

Тов. Халтурин И.

действительно является делегатом с правом РЕШАЮЩЕГО голоса от Вятского губкома комитета Р. К. С. М. на Всероссийское Совещание по Политпросветработе 5 февраля 1921 г.

Секретарь Ц. К.

5 февраля 1921 г. Иван, представитель Вятского Губкомола – делегат Всероссийского совещания по политпросвет работе, которое проходило в Москве. Приехал в Москву 7 февраля.



ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Коллегии Вятского Губернского Отдела Народного Образования

от 14 марта 1920 года.

№ 185

Коллегия Вятского Губернского Отдела Народного Образования постановила:

Образовать при Губполитпросвете постоянную комиссию по празднованию гражданских праздников в составе:

т. Курганова (от Губполитпросвета)

т. Бульканова (от шк. Уотд)

т. Халтурина (от РКСм)

Предоставить комиссии право кооптировать неограниченное число нужных ей лиц.

Предоставить в распоряжение комиссии аппарат Губотнаробраза и его учреждений на местах.

Постановления комиссии вносить на утверждение через Губполитпросвет в коллегию Г.У.Б.О. и Губкоми Р.К.П.

Предложить комиссии не позднее 16 марта приступить к разработке плана празднования 1 мая

Заведующий Губернским Отделом Народного Образования

Члены:

Секретарь

14 марта 1921 г., когда постановлением губернского отдела Наробраза была создана постоянная комиссия по проведению гражданских праздников, в ее состав включен Халтурин.

Апрель 1921 г. Он – делегат губернского Съезда Советов от комсомола. Бы-ла у Советов и комсомольская фракция.

На всех этих мандатах он фигурирует как представитель комсомола.

4 мая 1921 г. Сотрудник Губполитпросвета Халтурин направляется в Яранск инспектировать работу местных, уездных и волостных политпросветов.

Народный Комиссариат Просвещения Главполитпросвет

Вятский Губисполком Совета Р. К. и Кр. Деп.

Отдел Народного Образования Губполитпросвет

Отдел

Подотдел

4 Мая 1921 г.

№ 6227

г. Вятка

Тел. 58 телефон 1920-3

МАНДАТ

Выдан сотруднику Губполитпросвета тов. ХАЛТУРИНУ Ивану Игнатьевичу на предмет контроля, обследования и инструктирования уездных, и волостных Политпросветов, Яранского и Советского уездов.

Просьба ко всем советским и партийным организациям оказывать тов. ХАЛТУРИНУ всяческое содействие при исполнении им служебных обязанностей и при проездах.

Начгубполитпросвет

Секретарь

Вот тут мы остановимся и посмотрим на Ивана глазами его отца, а моего деда, Игната Захаровича. Дед, (который, как вы помните, года за три до того Ивана проклял), рассказал мне впоследствии такую историю.

Иван приехал в родной Яранск из Вятки. По всему городу были расклеены афиши, что в клубе (здании театра) состоится публичный диспут на тему:

«ЕСТЬ ЛИ БОГ?»

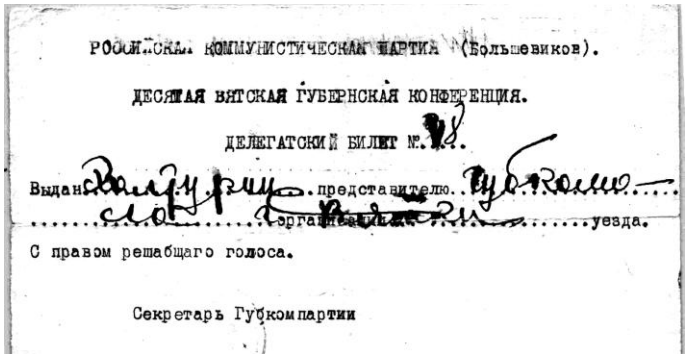
между отцом Александром, настоятелем Яранского собора и Иваном Халтуриным, членом Губкома.

Дед не выдержал и пришел на диспут. Сел сзади, за колонной, чтоб Иван его не заметил.

Отец Александр кончал Духовную Академию в Петербурге. У Ивана же, как вы знаете, за плечами 4 с половиной класса гимназии. Но – огромный багаж, полученный самообразованием. Ему только что стукнуло 19 лет.

Диспут длился 2 часа. Оба спорщика показали себя знатоками как богословия (это Иван-то!), так и всеобщей истории. В итоге была ничья. Ни один из них не смог убедить другого и привести неопровержимые доказательства бытия или небытия божия. Дед сказал мне в 1941 году, что он очень гордился своим сыном. Но, конечно, и виду не подал.

Отец говорил мне, что этот диспут был описан (где? – не помню) Борисом Киндом.



РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (Большевиков).

ДЕСЯТАЯ ВЯТСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

ДЕЛЕГАТСКИЙ БИЛЕТ №.

Выдан Халтурину представителю Губкомола ... организации ... уезда.

С правом решающего голоса.

Секретарь Губкомпартии

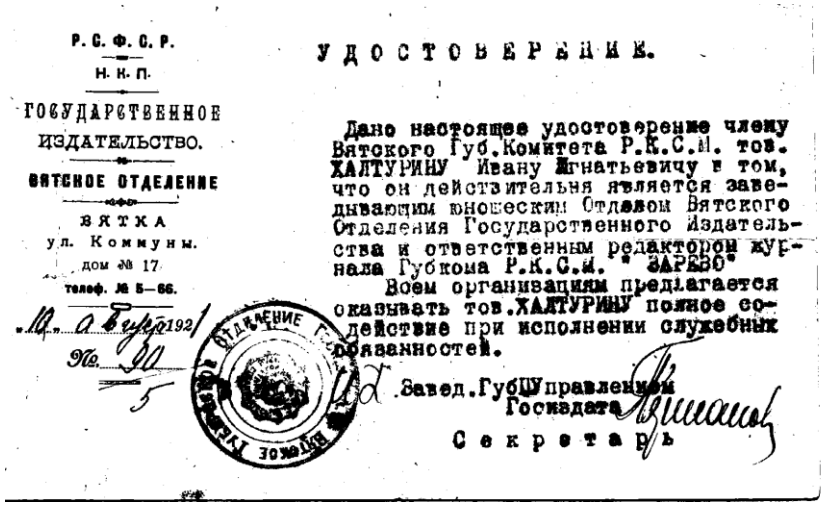
6 июля 1921. Следующий мандат. Иван Халтурин - делегат 10-ой губернской конференции Компартии[1]. Но – от Губкомола. И – с правом решающего голоса.

ВЯТСКАЯ ПРЕССА

Иван все более сдвигается в сторону книг, газет, журналов как предмета своей каждодневной деятельности.

Он - член бюро Вятского Гукома РКСМ, заведует отделом комсомольской печати и является редактором комсомольского журнала «Зарево».

Важный для нас момент. Из круговерти совещаний и заседаний он вышел к профессиональной работе редактора. Ему 19 лет. Конечно, ему еще многому надо учиться, чтоб стать тем замечательным редактором, каким его помнят его в 1930-1960 годы. Он идет в эту сторону семимильными шагами.



Р. С. Ф. С. Р.
Н. К. П.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ВЯТСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВЯТКА
ул. Коммуны.
дом № 17
телеф. № 5—66.
10 августа 1921
№ 90
5

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано настоящее удостоверение члену Вятского Губ.Комитета Р.К.С.М. тов. ХАЛТУРИНУ Ивану Игнатьевичу в том, что он действительня является заведывающим юношеским Отделом Вятского Отделения Государственного Издательства и ответственным редактором журнала Губкома Р.К.С.М. "ЗАРЕВО"

Всем организациям предлагается оказывать тов.ХАЛТУРИНУ полное содействие при исполнении служебных обязанностей.

Завед.ГубПУправлением Госиздата

Секретарь

В удостоверении от 10 августа говорится, что Халтурин является Зав. Юношеским отделом Госиздата и ответственным редактором «Зарева». Назначен он был, вероятно, раньше.

Как представитель Госиздата, Иван Халтурин издает книги. Какие именно? Сведений очень мало. В частности, как сообщает Евг.Петряев в «Литературных находках», выпущены были две книжки стихов вятских авторов, А.Рабочего и Г.Васильева. Аркадий Богатырев пишет о замечательной книге Н.Заровнядного «О самообразовании», изданной *«в те трудные годы на серой оберточной бумаге»*. Богатырев не уточняет, когда именно эта книга вышла. Но очень похоже, что Халтурин издал ее в бытность зав. Юношеским отделом вятского Госиздата. Ведь самообразование – это важнейшая часть и его собственной жизненной программы. Это то, что он сделал главной темой журнала. Но вернемся немного назад.

Первое знакомство с редакцией «Зарева» произошло еще в 1920 году. В своей статье «У колыбели вятской комсомольской печати» (Кировская Правда, 15 ноября 1974) Н.Горев приводит отрывок из письма Ивана Игнатьевича об этих днях. Я не знаю, кому и когда отец писал это, но стиль, мягкая ирония, типичны для «позднего Халтурина».

---

[1] На обороте надпись: *«выдано 5 фунтов хлеба, 1 коробка спичек, ¼ фунта соли и ¼ фунта табаку»*. Потом еще приписано: *«2 фунта хлеба»*. А ведь конференция проходит в Вятке, там где живет Иван, член Гукома. И ему, как и всем, положен был вот такой сухой паек. «Выдано» - деньги не были еще основой существования.

«Приезжаю в январе 1920 года на пленум Вятского губкома. Вижу на физиономиях губкомовцев начертаны необычные сосредоточенность и глубокомыслие. Скоро узнаю и причину — готовят к изданию первый номер журнала.

Вечером передо мною открылась замечательная картина: в губкоме сверх обыкновения тихо, члены губкома сидят за своими конторками и старательно пишут. По секрету сообщают, что один из редакторов — Александр Рабочий (псевдоним Петра Щелканова) не спал уже несколько ночей.

Знакомлюсь с ним. Он рассказывает о журнале, показывает материал. Вижу длинные-предлинные ленты — наполовину записано, остальное вырезано из газет и журналов — это хроника. Есть уже и другой материал. Завязывается беседа, которая скоро превращается в спор.

Предмет наших разногласий — литературный отдел... Спорим ожесточенно и долго, «до петухов». В результате получаю замечание, что в поэзии ничего не смыслю, и что если мне не нравятся писания вятских

В редакции «Зарева» тогда были И.Подволоцкий, Петр Щелканов, В.Горохов.

Но вот Иван приезжает в Вятку и сам становится ответственным редактором журнала. Сведения о том, как выходил журнал, у нас не только скудные, но и противоречивые. Но попробуем разобраться.

ЗАРЕВО

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ

орган Вятского Губернского Комитета Российского Коммунистического Союза Молодежи.

Адрес редакции и конторы: Вятка, угол улиц Ленина и Орловской, д. № 83. Телефон 5—52.

№ 12 10-го июля 1921 года. № 12

Выходите все на площадь!

Сегодня ведь праздник, праздник юных пролетариев всех стран. Долго трудились отцы, кровь проливали, по тюрьмам сидели, на каторгу шли.

Много сделано, но много трудов впереди!

Эй, молодые, на подмогу, начатое дело довершить!

Дружно, красиво, стройно по спортивному полю шагайте. Весело затягивайте песню боевую, а когда пора поспеет—умейте пойти и на врагов, на врагов что веками держали трудящихся в неволе.

Юноши и девушки, надежда и радость народа, выходите все на улицу!

Не легко далась победа—тяжки были цепи, неприступна тайга,

Как пишет отец в автобиографии, вышло всего тринадцать номеров. Первый номер готовился в январе 1920, похоже, что тогда же и вышел. Халтурин приехал в Вятку в августе 1920. Не сразу взялся за журнал - там уже была редакция. Петряев сообщает, что Халтурин выпускал этот журнал, начиная с № 6. Когда же вышел этот № 6? У нас в руках страница журнала №12, 10 июля 1921. Если журнал до этого времени выходил, как положено, каждый месяц, то № 6 мог выйти в январе 1921. Получается, что в 1920 вышло всего пять номеров. А с начала 1921, когда Халтурин взял его в свои руки, выходил ежемесячно. До июля. Когда вышел последний, 13-ый номер установить не удалось. Может быть в августе? Почему-то именно в августе Халтурину понадобилось удостоверение, что он является ответственным редактором. Хотя он был таковым уже давно - с января 1921. Что-то произошло. Что – неизвестно. Но в результате «Зарево» прекратилось. Горев пишет – нехватка бумаги, отъезд Щелканова в Москву. Возможно, формально оно так и было. Но за этим, видимо, что-то скрывалось. Позвонить бы в прошлое, по телефону 5-52... Но - ничего не поделаешь. Оставим эту загадку будущим Шерлок Холмсам и пойдем дальше.

Итак, «Зарево» прекращается, и 24 февраля 1922, сразу после XI партконференции (о ней еще будет речь впереди), Халтурин получает командировку и едет в Москву.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Российский Коммунистический Союз Молодежи

ВЯТСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ КОМИТЕТ.

г. Вятка, Советская площадь. Телефон 1—54.

24 февраля 1922 г. № 466

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано сие тов. ХАЛТУРИНУ И.И. в том, что он командируется в гор. МОСКВУ в Цка Р.К.С.М. и Р.К.П./Б/ для выяснения ряда вопросов связанных с работой Р.К.С.М. по Вятской Губернии.

А потому все партийные, советские и др. организации обязываются оказывать тов. ХАЛТУРИНУ должное содействие в пути его следования, что и удостоверяется.

Отсекретарь ВГК. РКП/б/

Отв. Секретарь Губкомола

Управделами Губкомола

Цель, указанная в командировке[1], звучит загадочно и многозначительно: *«для выяснения ряда вопросов...»*. И командируется он, ни много ни мало, в оба ЦК, и в комсомольское и РКПб. Побывал он в обоих, о чем свидетельствуют многочисленные надписи, подписи и печати на обороте командировочного удостоверения[2]. С кем он там разговаривал, как это все происходило – не знаю. В результате получено решение организовать журнал «Новая молодежь». Итак, Иван выиграл битву за журнал. Правда, пришлось изменить название – ну, да не все ли равно? Эта история показывает моего юного отца человеком решительным, чувствующим себя уверенно на любом уровне, умеющим убедить.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Кооперативное издательство „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ".

ВРЕМЕННАЯ ПАЕВАЯ КВИТАНЦИЯ № 0958.

Выдана тов. Халтурину И.И. в получении от него 5 руб. золотом по курсу Наркомфина в размере 5.000.000 (пять млн.) рублей членского взноса в кооперативное издательство „Московский Рабочий".

Правление.

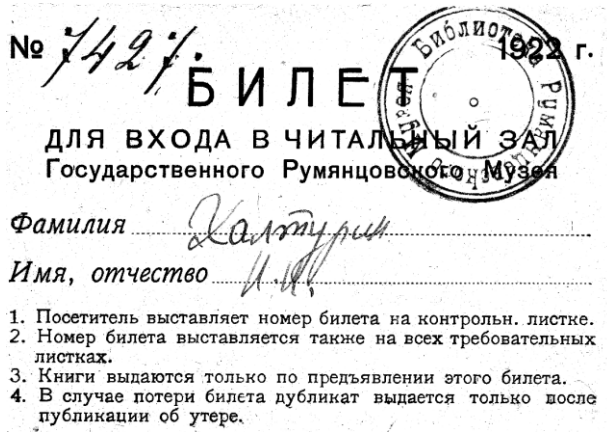
29 марта 1922 г.

Ну, что ж, дело сделано, можно ехать домой. Мы ожидаем, что Иван, получив «добро» на журнал, деньги на билет и продукты на дорогу, тут же помчится в Вятку и возьмется за новый журнал. И что не пройдет и пары месяцев, как...

Но не тут-то было. У него еще много дру-гих дел в Москве. Он завязывает деловые отношения с московским кооперативным издательством, вносит пай, 5 млн рублей, и закупает там книги. На обороте паевой кви-танции – надпись:

29 марта отпущено книг на 353 тыс руб. Что значили тогда эти пять миллионов, (5 рублей золотом), сколько и каких книг вывез он из Москвы за эти 350 тыс – сказать не берусь.

Но и это не все. Его душа книголюба требовала общения с книжными сокровищами Москвы. Билет читального зала библиотеки Румянцевского музея (ныне Ленинской) говорит, что он провел в ней немало времени.



№ 7427 БИЛЕТ 1922 г.

ДЛЯ ВХОДА В ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Государственного Румянцовского Музея

Фамилия Халтурин

Имя, отчество И.И.

1. Посетитель выставляет номер билета на контрольн. листке.
2. Номер билета выставляется также на всех требовательных листках.
3. Книги выдаются только по предъявлении этого билета.
4. В случае потери билета дубликат выдается только после публикации об утере.

---

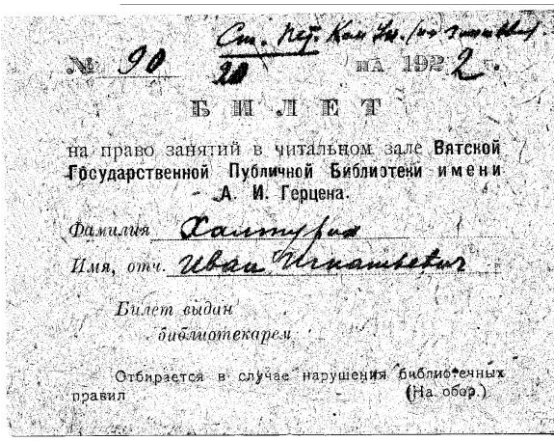
[1] Командировка подписана Костериным. Знакомое имя – это он назначал Ивана зав. справочным отделом Яранской библиотеки. Напомним нашу ни на чем не основанную гипотезу (стр.8), что Костерин – это тот блондин в белой рубашке, которого мы видели в центре снимка Союза учащейся молодежи.

[2] «В *Вятке выданы продукты на 6 дней*.» «*Зарегистрирован в ЦК комсомола 1 марта*». «*Командировка выполнена, - подпись и печать ЦК комсомола, 2 марта*». Прошел всего один день - и проблема журнала решена! «*Выдано т.Халтурину для передачи Вятскому бюро Истпарта шестнадцать экз. издания Истпарта 4 марта 1922*». «*Выдано ЦК РКП для проезда в Вятку 3 165 000 рублей (три миллиона 165 тысяч) 6 марта 1922*». «*Выдано продуктов до ст. Вятка на шесть дней, 6 марта 1922*.» Шесть дней тащились поезда из Москвы в Вятку!

«Новая Молодежь»

Но постойте! Время идет, уже 29 марта, новый журнал надо делать, а Иван сидит себе в библиотеке в Москве и в ус не дует. Что за легкомыслие! Ан нет. У нас в руках первый номер журнала «Новая молодежь», на обложке – дата выпуска: 7 марта 1922! Как это может быть? Видимо, мартовский номер был готов еще в феврале и как только Иван сообщил (позвонил?) в Вятку, что разрешение получено, редколлегия тут же и выпустила его, готовенького, не дожидаясь возвращения Ивана.

Но детективная история с журналом на этом не закончилась. Первый номер вышел в марте, второй, видимо, в апреле. Что же дальше? В автобиографии написано, что вышло четыре номера. Примитивно рассуждая, № 3 и № 4 должны бы появиться в мае и июне. Но вот обложка журнала, со сдвоенным номером (3-4) за... ноябрь-декабрь 1922 года (!). Вот такие чудеса. В чем же дело? Оказывается, в апреле Ивана направляют учиться в Петроград, в Коммунистический Университет имени тов. Зиновьева. Он уезжает. И журнал, конечно же, останавливается.


№ 90 Сп. Пет. Ком. Ун. (по списку) на 1922 г.

БИЛЕТ

на право занятий в читальном зале Вятской Государственной Публичной Библиотеки имени А. И. Герцена.

Фамилия Халтурин

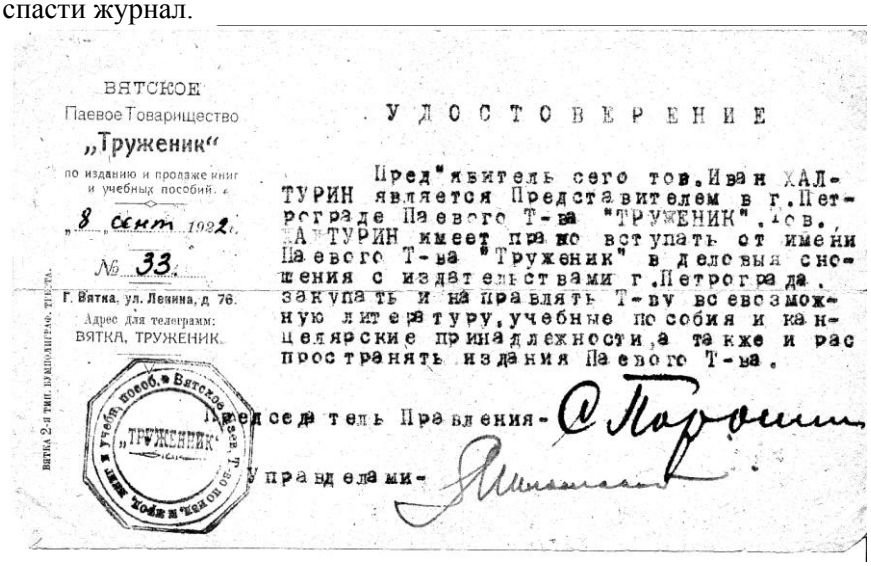
Имя, отч. Иван Игнатьевич

Билет выдан библиотекарем

Отбирается в случае нарушения библиотечных правил (На обор.)

Когда хочешь все сделать сам – и не умеешь работать в упряжке – вот так и получается. Эта его супер-самостоятельность еще не раз сыграет свою роль в его жизни.

В конце 1922 Иван снова навещает Вятку. О том свидетельствует читательский билет Вятской библиотеки имени Герцена, выданный студенту Ком. Унив. им. Зиновьева Ивану Халтурину. Иван приезжает, выпускает № 3-4 журнала. Журнал выходит - в последний раз. Видимо и приехал-то Иван в Вятку не только в библиотеку, это была последняя попытка спасти журнал.


ВЯТСКОЕ
Паевое Товарищество
„Труженик"
по изданию и продаже книг и учебных пособий.

„8" сент 1922 г.
№ 33.

Г. Вятка, ул. Ленина, д. 76.
Адрес для телеграмм: ВЯТКА, ТРУЖЕНИК.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего тов. Иван ХАЛТУРИН является Представителем в г. Петрограде Паевого Т-ва "ТРУЖЕНИК". Тов. ХАЛТУРИН имеет право вступать от имени Паевого Т-ва "Труженик" в деловые сношения с издательствами г. Петрограда, закупать и направлять Т-ву всевозможную литературу, учебные пособия и канцелярские принадлежности, а также и распространять издания Паевого Т-ва.

Председатель Правления - Пархомов

Управляющий - Яковлев

Все время, что отец жил в Питере, он поддерживал связь с Вяткой. Святое дело – помогать литературой, учебниками через Вятское Товарищество, ул. Ленина 76, недалеко от редакции комсомольской прессы, ул. Ленина, 83.

В Вятке остались люди, которым он пишет. Он может им не только похвалиться успехами – но и поделиться сомнениями. Мы вернемся позже к этим письмам.

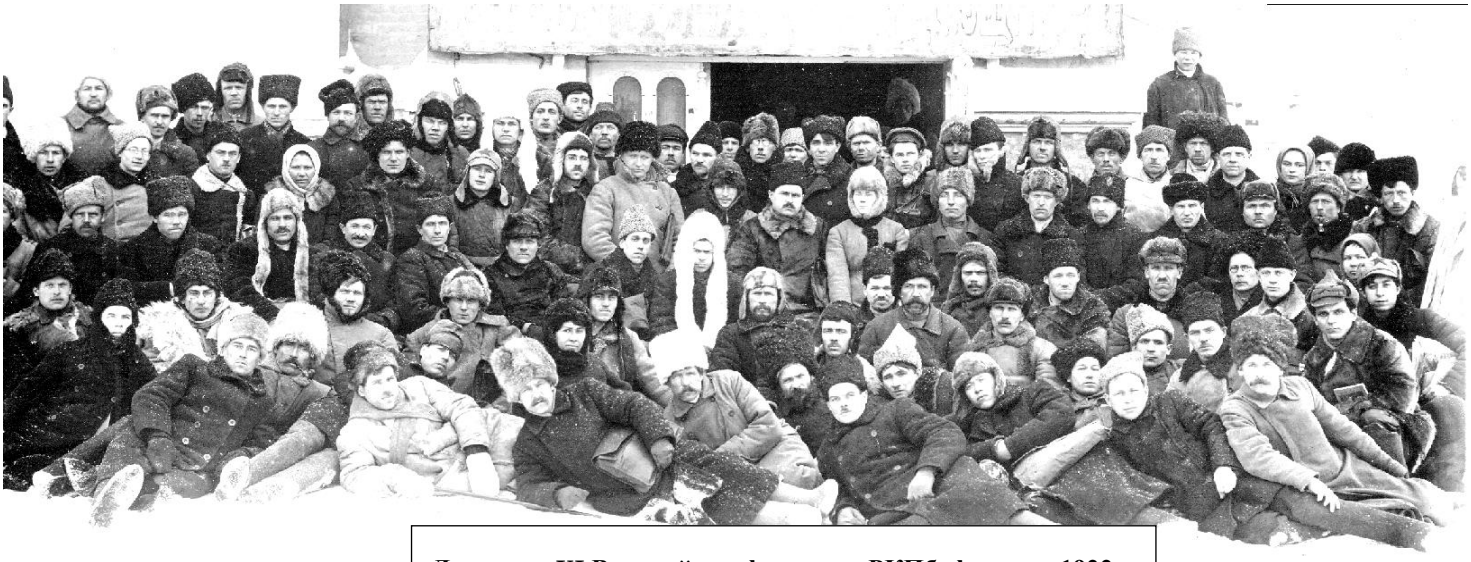
Если не считать краткого визита в конце 1922, Вятский период жизни моего отца был недолог - с августа 1920 по апрель 1922. Каков был там круг его общения? Лишь несколько имен я знаю. Но есть фотографии, и глядя на них, можно попытаться разгадать имена, представить себе тот котел, в котором варился молодой комсомольский активист губернского масштаба.

"Пролетарии всех стран соединяйтесь"
РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (Большевиков).
ОДИННАДЦАТАЯ Вятская Губернская КОНФЕРЕНЦИЯ
Делегатский БИЛЕТ № 30.
Дан тов. Халтурину делегату от Грайон
г. Вятки организации Р.К.Партии с
правом РЕШАЮЩАГО голоса, что и удостоверяется.
15/II 1922 г.
Отсекретарь Губкома РКП

Коммунисты 1922 года

Как помнят старики, те, что бесконечно сдавали и пересдавали экзамены по «Краткому курсу Истории ВКПб», партконференции происходили дважды в год. XI-ая Вятская губернская конференция РКПб была в феврале 1922. Халтурин, конечно же, делегат – уже от Вятской организации РКП(б).

Для нас эта партконференция замечательна тем, что у нас есть прекрасная фотография[1]. Вот она – целиком.



Делегаты XI Вятской конференции РКПб, февраль 1922

Около сотни человек и никого не разглядишь в отдельности.

На следующих страницах мы рассмотрим это фото поподробнее, увеличив по кускам, слева направо.

Совсем иное дело! Возникают лица, личности. В воображении возникают судьбы. Такие разные люди - и по социальному прошлому, и по образованию, и по характеру. Кто-то «от сохи» или с фронта, кто-то уже партийный деятель, не расстается с портфелем.

Хорошее упражнение для начинающих психологов-физиономистов. Кто эти люди, как пришли они в РКПб, на что они надеются? Что с ними будет?

Есть что-то неуловимо общее в этих лицах. Это - их свободное разнообразие и впечатление самостоятельности у каждого.

Гражданская война практически закончена – надо думать о будущем. Эти люди верят, что их будущее в их руках. Они еще не задавлены партийной дисциплиной и не отучены иметь свое мнение. Знает ли Вятское краеведение этих людей, их судьбы или хотя бы имена и лица?

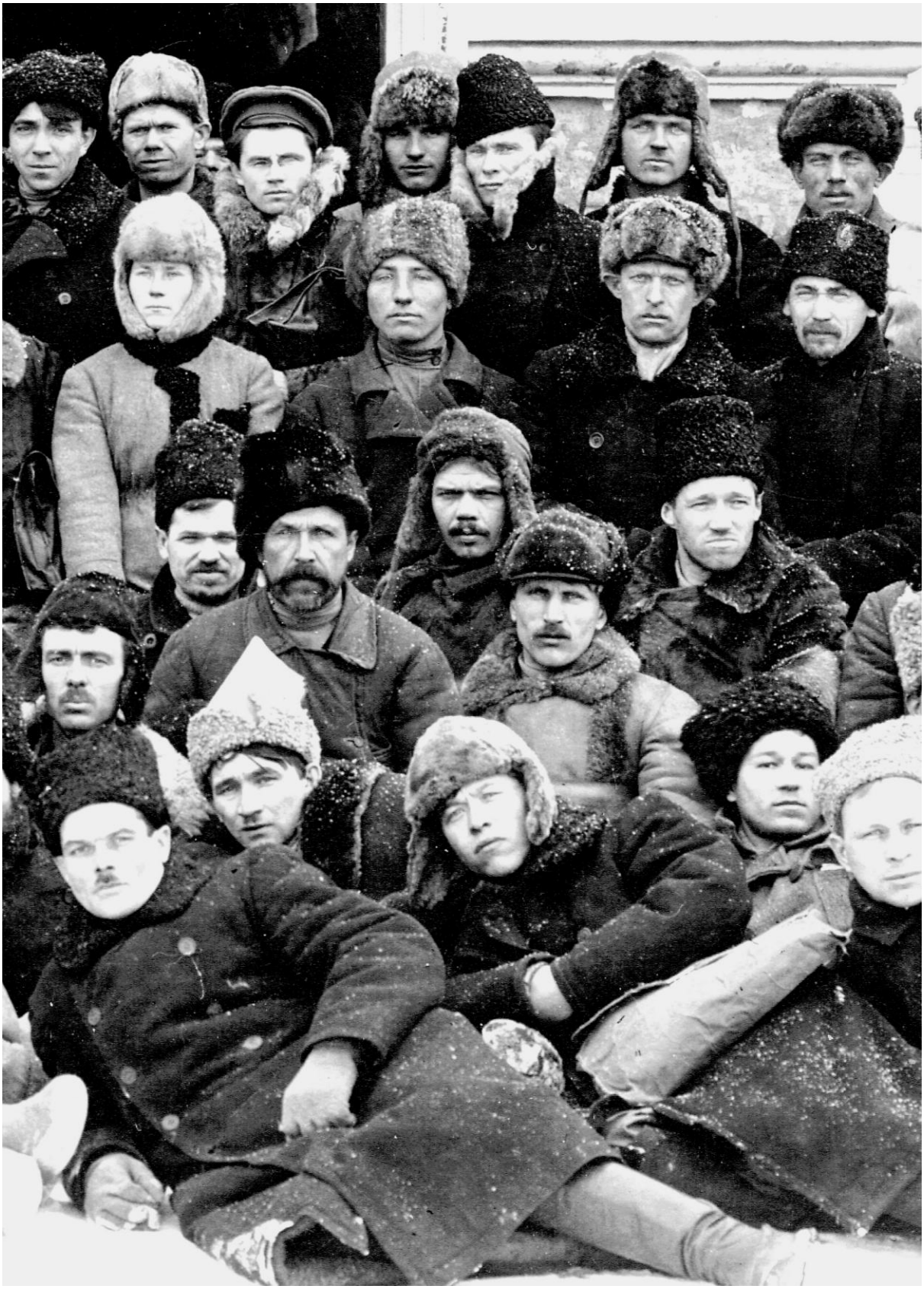
Перевернем страницу и всмотримся.

[1] В старые добрые времена фотографии делались на стеклянных пластинках большого размера, с малой чувствительностью – но с прекрасной разрешающей способностью. И отпечатки делались контактно, без увеличения. Невозможно удержаться от соблазна увеличить снимок, рассмотреть каждое из сотни лиц.

Вот крайняя левая часть фото. Какие разные люди! Вверху слева – энергичное азиатское лицо, прямо-таки Чингиз, или Салават Юлаев. Есть среди них и мужики в солдатских папахах и бойкий молодой человек в пенсне и папахе, в полушубке с длинным белым мехом. Кажется, мы таких видели в кино, в роли Махно. За спиной у него – скептик, он только присматривается.

А вот – деревенская женщина, в платке, смотрит решительно. Небось, солдатская вдова. Почти все - народ немолодой, взрослый, серьезный. Вот этот, с трубкой в зубах, он знает себе цену!

``` Кто такой с бородкой а la Николай II и в папахе набекрень? Это не солдат и не мужик.

Вверху справа - профессиональный военный (Рощин из «Хождения по мукам»?). Лицо решительное, но в глазах что-то глубокое. Слишком много видели эти глаза. Но он еще надеется на лучшее.

Рядом с ним два азиатских лица. Прирожденные воины! Так и видишь их летящими по степи на конях... В глазах – воля к победе и беспощадность.

Среди воевавших молодая девушка, в буденновке со звездой. Медик? Комиссарка? Это начало 1922 года. Моя мама к этому времени уже демобилизовалась и старшему брату моему Леве – 9 месяцев.

Лишь один человек на фото улыбается. Как это его занесло в Вятку? Так и представляешь его радушным хозяином чайханы где-нибудь на Северном Кавказе, в тени чинары, у бурной речки...

А вот, в шинели и треухе светлого меха, сидит и глаза прищурены. Энергичный, умница – (уж не Янковский ли это? В кино, в роли солдата? Но его в то время и на свете еще не было. А может, это Янковский -отец? Очень похож...)
```



А тут появилась женщина, в ушанке, с печатью образования на лице. Учительница?

Многие, видимо, рабочие, мастеровые. Пожилой человек в черной папахе, с бородкой – типичный Мастер-Золотые-Руки..

Молодые скромненько стоят с краю – две девушки и один буденновец. Второй буденновец, с книгой – явно из технической интеллигенции, инженер, но в Красной Армии уже на значительном посту. Какую книгу он держит? Не разобрать.

Что стало с ними потом, с этими энтузиастами, с этими романтиками? Мы можем сказать только про одного из них – Ивана Халтурина.

А вот и он – в центральной части фотографии, в традиционной вятской белой шапке с длинными ушами. Похоже, что самый молодой – а сидит в центре. И вид – нахмуренный.

Почему? Это не случайное выражение – на всех фотографиях Ивана времен его комсомольской молодости сохраняется эта суровость.

Думается, что никаких политических причин этой хмурости искать не стоит. Все гораздо проще – надо только вспомнить, сколько ему лет.

Мальчишка, прямо со школьной скамьи – он попадает в заведующие, организаторы, председатели, начальники, руководители. И не только по причине своей бурной активности и неуемного желания самому все сделать, но в силу своей образованности, таланта и умения точно сформулировать стратегию и тактику дела, за которое он берется. Случалось, его руководимые были чуть ли не вдвое старше его. Ему нет и двадцати – а он уже три года на руководящей работе.

На фото этой вятской партконференции - народ все взрослый. Молодых лиц почти нет. Похоже, что наш герой – самый молодой. Но – сидит в центре. Видимо, он и тут один из организаторов и руководителей. И, естественно, старается казаться старше и серьезнее. Так что эта суровость - просто «защитная реакция». Потом какое-то время она сохраняется по привычке.

«***Халтурин, чей портет всегда нахмурен»,*** написал о нем Маршак даже в 1927 году.

Газета «На смену».

Но вернемся к Вятской прессе.

Кроме журнала, Вятский Гуком издает свою газету «На смену». Газета выходит раз в две недели. Там те же авторы: И.Халтурин, Б.Кинд, В.Петрова. Был еще один человек, Д.Брусин. Повидимому, от РКПб. Он и в «Зареве» участвовал. Отец о нем очень тепло отзывался. Хороший, душевный был человек. Он был старше этой комсомольской братии, но качестве члена редколлегии вполне, ну, так скажем, своеобразный, как мы увидим из его текста в газете.

У меня есть единственный номер этой газеты сохраненный отцом в его архиве, № 4, от 29 ноября 1921, вторник. Всмотримся в эти тексты. Не будем очень уж иронизировать. Такова была эпоха, таков был уровень образования, такое представление о революционном романтизме, как форме агитации и пропаганды. На следующей странице читатель увидит партийно-комсомольских деятелей той поры. Мне не удалось узнать, кто есть кто, только догадки...

В качестве лозунга – помещена цитата из вождя, Троцкого. Он был тогда человеком № 2 в партийной иерархии, (Сталин был мало известен, в лучшем случае «входил в двадцатку»).

СЧАСТЬЕ НАШЕЙ ПАРТИИ В ТОМ, ЧТО У НЕЕ ЕСТЬ НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК СВЕЖЕЙ ЭНЕРГИИ, РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИЛЫ, ГЛУБОКОГО ЭНТУЗИАЗМА – ЭТО ЕСТЬ ТРУДОВАЯ МОЛОДЕЖЬ. ***Л.Троцкий***

Заметим, что товарищ Троцкий был не очень-то в ладах с русским языком: «***...это есть***» - европейский акцент, след эмигрантских лет.

Передовая статья газеты, «НАШЕ ВНИМАНИЕ – РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ», подписана Борис Кинд. Призыв «Красной молодежи» написал Д.Брусин. Не могу удержаться, чтобы не привести этот текст: революционная романтика плюс что-то вроде былинного ритма.

КРАСНОЙ МОЛОДЕЖИ!
В тяжелые годы кровавой борьбы со стариками ты крепко стояла заодно
Среди безбрежных степей и в ущельях высоких гор, у ворот заводов, на красных кораблях,
у Крымских перешейков, в водах Финского залива много молодого пало навеки.
Ты делила горе и радость, победы и поражения вместе с отцами.
Будь же и дальше на посту, молодежь! Враг еще не сломлен, враг наступает.
В руках у него, кроме винтовки – библия, аршин и весы.
Оружие то острое, в руках врагов бывалое. Будь на чеку, молодежь!
В старом кремле великий вождь щурит глаз и упорно твердит: Будь мудра, молодежь!
Соедини отвагу и холодный рассудок. Будь мудра, победи врага.

В то время такой стиль был видимо довольно распространенным, он продолжал традиции митинговых ораторов с их «гидрой империализма» и прочими, мало понятными, но очень громкими выражениями, впрочем, совершенно искренними. Узнаем руку Брусина и в 12-ом номере «Зарева» (см. стр. 18). Брусин и стихи писал. В отцовском архиве сохранилось одно.

Нет любви в груди моей!.

Посвящается молодым товарищам, Ивану Халтурину и Варе Петровой.

Ранним детством, в дивный летний день барчата в саду роскошном гуляли. Вышел и я из лачуги смрадом окранин подышать. Голодный и жаждущий ласки со сверстниками-оборвышами часок провести хотел я. Но злые мальчишки, отколотив меня пребольно, сказали:
*- **Ты Христа распял!** Я распял? Я не распинал! Меня и близких всю жизнь распинали. И, подумав, сказал я: - Нет любви в груди моей!*

Шли годы... Невеселые годы... Упорно трудились мы все. По крохам собрали стол, три табурета, да соломенный тюфяк. Но пришли люди и уничтожив скарб наш убогий, сказали:
*- **Ишь, нехристи, понаживались!**- Наживались? Я не наживался! Всю жизнь работал на других! И, взяв топор и лом железный, я сказал:*
- Нет любви и груди моей!

И снова шли годы... Тюрьма, труд непосильный, да голод и холод. Но из мук тех рождалась новая жизнь. И истосковавшейся душе захотелось воплотить хоть немного из того, о чем так долго мечталось... Но пришли люди, и плюнув в душу, сказали:
*- **Свое благополучие ты строишь!** Свое благополучие? Я не строил своего благополучия! Его я всю жизнь не ведал! И, стиснув зубы, с гневом и болью говорю я:*
- Нет любви в груди моей!

Совершенно в другом стиле - три статьи Ивана. Ему есть что сказать. Его тема – самообразование и, в первую очередь, - политическое. Одна статья – подписана *И.Халтурин*. Вторая его статья: **«Что говорят старшие о молодежи»,** *И.Х.* Она призывает старших товарищей поддерживать комсомол. «Старшие товарищи» – это партийцы. Повидимому, они не очень-то всерьез принимали эту бойкую молодежь и ее претензии. Третья статья подписана *Редакция* – но узнаем в ней Ивана, знатока книги, страстного просветителя и опытного библиографа. Она называется «Наш ответ» - и написана в ответ на письмо читателя (явно – «виртуального»). В ответ на «его просьбу» редакция рекомендует ему литературу. Приведем здесь их обе. Не могу не отметить блестящую стилистику «письма читателя».

Помогите разобраться

Дорогие товарищи! Прошу вас помочь мне разобраться. Меня долго мучил этот вопрос. Услышал я случайно, что будто бы первый человек из обезьяны вышел. Поверить я этому не мог, а дома, когда я это передал своим родителям, меня здорово наругали. Где ты, говорят, таких речей наслушался, бездельник. А ребят в Союзе я и спросить боюсь, просмеют еще. Кроме того, вот еще что: я перестал верить в бога, но разобраться тоже как следует не могу. Говорят, можно про это из книг вычитать, но где их взять, да они ведь толстые бывают, мне и одной за глаза на век хватит. Да и такие попадаются, что и читать-то нечего, все про романы любовные. А мне бы про человека-то, да и про бога узнать хочется. Так вот пожалуйста, нельзя ли про это в вашей газетке пропечатать.

Член Союза Ц-ев

НАШ ОТВЕТ

Вопрос о происхождении человека и мира и о существовании бога не может обойти ни один сознательный человек. Книги об этом есть всякие, есть нетрудные и небольшие. Можно прочесть *Малинин* – «Сотворение мира», *Новорусский* – «Земля и Жизнь», *Горский* – «Как образовалась наша Земля». О религии тоже при Советской власти много хороших книг выпущено. Из них рекомендуют 4 книги *И.Степанова* – «Почему падает вера и нарастает безверие», «Благочестивые размышления об аде, рае и пр.», «Религия и духовенство», «История нашего бога», *Лукин* – «Церковь и государство», *Лаэрг* – «Статьи о религии», *Данилов* – «Черное воинство», *Красиков* – «Советская власть и церковь, крестьянство и религия», *Мещеряков* – «Поповские обманы» (о мощах), *Рейнер* – «Почему нельзя верить в бога». Книги можно достать из советских библиотек. В ближайших номерах нашей газеты редакция постарается дать ряд бесед о происхождении человека и религии.

Редакция

Есть в газете и материалы, написанные Варей Петровой. Заметка «Хозяин» - это сентиментальная история о бедном мальчике-батраке и злом хозяине подписана *Варя работница*. Мораль: только комсомол поможет парнишке. Тут же ее агитка (в стихотворной форме), призывающая мужиков сдавать хлеб.

Детство комсомольской печати…

Вятские комсомольцы

Из Вятских этих времен дошли до нас фотографии Ивана и его друзей-товарищей. Вот фотография, которую мы нашли в книге Петряева 1966 года. Под фотографией – подпись: Редакция журнала «Зарево», слева направо стоят В.Горохов, И.Халтурин. Сидят В.Петрова, П.Щелканов. Лето 1921 года, в это время Иван выпустил 6-й номер журнала. А вот слева – фотография из архива отца. На обороте написано – 1922 год. Иван Халтурин в кожаной куртке, серьезный и вдумчивый. Справа сидит, конечно же Щелканов. Очки на фото вверху появились, думаю, по ошибке, в процессе ретуширования из-за плохого качества оригинала. Симпатичный парень с портфелем рядом с ним – не знаю кто это. Он изображен и на 31 странице, в центре группы. Улыбчивый блондин попадется и на другой фотографии, стр 31, но кто это – не знаю. Перевернем страницу и увидим еще одну большую фотографию.

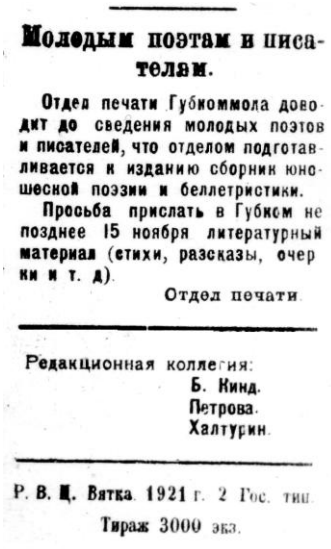
Там народу много, это, видимо, комсомольский актив. Иван стоит позади в белой рубашке, рядом с ним – Борис Кинд. Слева на полу сидит Варя Петрова. В центре – в полувоенной гимнастерке и сапогах, лысый, (темные очки) - это Брусин, тот, что писал в «Зареве» (стр.18, «Выходите все на площадь!»),
и в газете («Призывы красной молодежи», стр. 28).

А теперь посмотрим на противоположную страницу. Вверху - еще одна группа. Это 1922 год. Иван – слева. Справа сидит уже знакомый нам Щелканов – он почему-то всегда сидит справа. Еще одно знакомое, но неизвестное лицо – улыбчивый блондин.

Выделяется в центре высокая, широкоплечая, несколько мужиковатая девушка. Умное, спокойное лицо. Прямая, деловая, уверенная. Мне кажется, что это – «товарищ Зина», с ней потом Иван переписывался, когда уехал в Петроград. У него никогда не было случайных, ничего не значащих слов. «Товарищ Зина» не было просто общепринятым партийным обращением, оно означало что-то, понятное им обоим. Судя по письмам, отношения с Зиной были дружеские, доверительные. Посмотрите на нее и на нижнем снимке, где она слева. Она, действительно, надежный товарищ.

Но Иван... Господи, неужели это мой отец? Таким я его никогда не видел... Взгляд суровый, руки по-наполеоновски сложены на груди, он весь как взведенный курок. Вот, сейчас «птичка вылетит» - и он тут же решительно направится по своим бесчисленным делам.

Письма отца к Зине (стр. 43-44) очень важны для понимания того кризиса, который Иван переживал в Петрограде, и который привел его в конце концов к уходу из партийно-комсомольской орбиты.



Молодым поэтам и писателям.

Отдел печати Губкоммола доводит до сведения молодых поэтов и писателей, что отделом подготавливается к изданию сборник юношеской поэзии и беллетристики.

Просьба прислать в Губком не позднее 15 ноября литературный материал (стихи, рассказы, очерки и т. д).

Отдел печати.

Редакционная коллегия:
Б. Кинд.
Петрова.
Халтурин.

Р. В. Ц. Вятка. 1921 г. 2 Гос. тип.
Тираж 3000 экз.

Не знаю, какова судьба Зины. И не знаю, кто другая девушка на этом снимке.

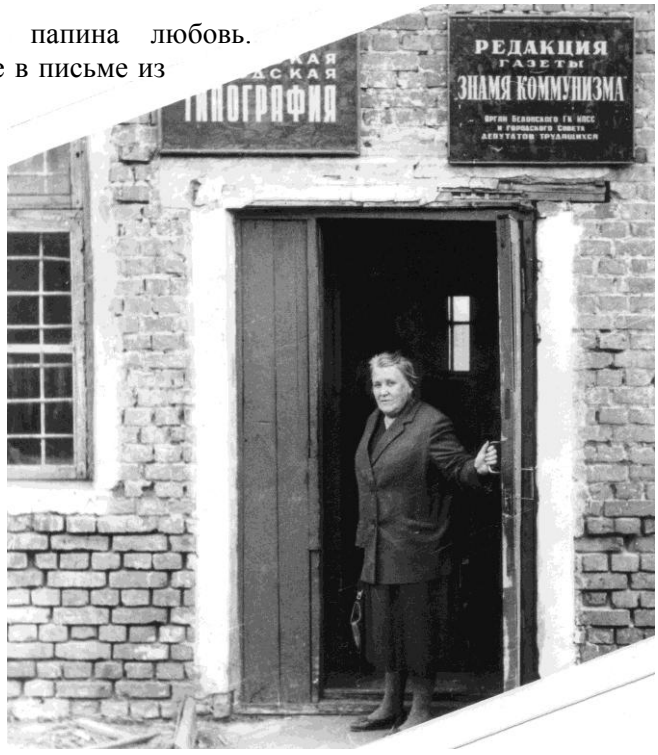
Вспомним еще раз двух друзей и соратников вятской эпохи. Это Борис Кинд и Варя Петрова. С ними двумя Иван делал в Вятке газету. О них отец мне рассказывал, и нелегкая их судьба известна. Позже, из Питера, Иван в письмах справлялся о Борисе:

«Заседает ли по-прежнему в Губкомоле несравненный Борис Владимирович Кинд?»

Борис потом был редактором губернской газеты в Уральске, в свердловской газете «Уральский рабочий», районной газеты в г. Лисве, главным редактором Челябинского Госиздата. Потом преподавал в Уральско-Сибирском Комуниверситете ***партстроительство.*** Вот какие были в те времена предметы...

Судьба этого славного парня типически трагична. В 1937 он был арестован, отсидел почти 20 лет, его выпустили в 1956 и он вернулся к издательской работе. В 1958 году написал и издал книгу «Люди с горячими сердцами».

Варя Петрова, первая папина любовь. Расставание было трудным. Иван признается Зине в письме из Питера



«...операция с ре-варваризацией оказалась сложной и длительной». Но как всегда у Ивана – когда любовь проходит, остаются дружеские и уважительные отношения. Во всяком случае, он сам так их воспринимает. Отец уехал из Вятки и они долго не встречались. Сохранился черновик письма к ней 1930 года. Слово «люблю» сохраняется, но значит оно уже совсем другое. Это теплый знак дружбы и доверия.

Последний раз они виделись в 1936 году. Варя приехала в Москву хлопотать за арестованного мужа, которому инкриминировали связь с троцкистом Минковым. Хлопоты оказались безуспешными. Ее тоже арестовали, она прошла через 20 лет лагерей и вернулась, как многие, преданной коммунисткой.

Теперь трудно понять, как пережив такое, сохранить веру. Об этом удивительном и со стороны необъяснимом явлении уже много написано.

Варя свою веру в коммунизм сохранила и, вернувшись, работала потом в местной газете города Белово. Она была в городе известным человеком. Тамошний уроженец, сейсмолог Владислав Мартынов, с которым мы работали в Гарме, много слышал о ней.

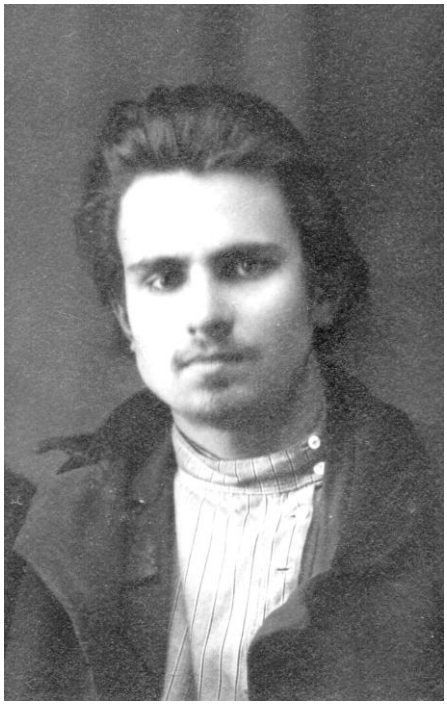
Когда отец виделся с Варей последний раз, ему было 34. Я Варю знал по его рассказам. Отец хотел, чтобы мы встретились и дал мне ее адрес. Я встретился с ней в 1961 году в Сибири. Мне тогда было тоже 34.

Я вошел в ее кабинет:

- Здравствуйте, Варя, я Халтурин.

И вижу, как она белеет и медленно сползает со стула...

Я прожил у нее три дня. И она мне рассказывала - не о прежних временах, а о том, как она борется в своей газете с местными бюрократами, которые губят хорошее дело, начатое Революцией. А я был глуп и не расспрашивал ее о прошлом. Как не расспрашивал и отца...



Из своего круга начала 1920-х годов папа сохранил дружбу только со Всеволодом Лебедевым. Это очень глубокий, талантливый, доброжелательный, вдумчивый, ироничного ума и независимого характера человек. Писатель, этнограф. К сожалению, он рано умер. В 1958 году папа подарил мне книгу Лебедева **«Вятские записки»,** изданную в Ленинграде в 1933, с такой надписью:

Виталию Халтурину - на память о мифическом "Колдуне", рассказывавшем тебе и Леве сказки на Мертвом переулке[1]. Он был реальной личностью, этот колдун, в доказательство чего посылается его фотография и эта книга. Что касается твоего отца, то он тоже был: так, он внезапно появляется на стр. 132. Все, что было до и после этого неожиданного появления героя, вычеркнула цензура. Он остался в книге мельком, эпизодически, - и то только благодаря небрежной работе цензуры.

Москва, 16 - IV 1958.

Это был его подарок ***мне,*** по случаю ***его*** дня рождения.

К сожалению, я так и не знаю – что же еще было написано у Лебедева об отце, что же так не понравилось цензуре. Но вот перед нами эта, случайно уцелевшая, стр.132:

Иван пришел ко мне вечером в естественно-научную лабораторию. Он пришел в длинной широкой шинели, сияя новой шинелью и лицом. **Наган он носил** с такой осанкой, как носят орден.

- Небесполезно будет мне, - сказал он, садясь, - поехать в Коммунистический университет в Ленинград. Можешь дать мне твою драму, я отвезу ее критику Айхенвальду, как ты предлагал. Кстати, почему Айхенвальду?

Я сказал, что не знаю других критиков. Айхенвальда я знал только по обложке его книги и не знал, кто он - идеалист или материалист. Книги в нашей библиотеке стояли рядом, без разбору.

Все равно, давай отвезу, - сказал, сделав гримасу, Иван. Он встал и на прощанье сказал, что зайдет в Институт красной профессуры и узнает, можно ли будет устроить меня туда.

Через месяц я получил письмо, в котором он писал, что жив, доволен жизнью, читает Маркса и интересуется биологией. "Критик же Айхенвальд, - писал он, - рукописи не принял, так как страшно близорук и возьмет при условии, что ее перепишут на машинке". Но машинку не удалось раздобыть, критик же Айхенвальд продолжал быть близоруким и скоро предпочел уехать в эмиграцию, где занялся антисоветской пропагандой.

Наган? Вряд ли отец носил наган – подумалось мне. Чего в нем не было совсем, так это воинственности. Но вот в письме к нему его друга Николая Деньгина читаю: «скоро достану тебе пушку». Правда, описанная Лебедевым сценка, когда отец собирался в Комуниверситет, происходила в 1922, а письмо Деньгина с обещанием «пушки» датировано октябрем 1925. Деньгин мог и пошутить, это в его характере. Но Лебедев - вряд ли. В крайнем случае он мог сместить наган во времени, добавив его к этой сценке для красного словца.

Дружеская насмешка Лебедева показывает, что и впрямь вирус звездной болезни не обошел стороной моего юного отца. Что ж, это не удивительно. Но быть руководителем - значило для него работать самостоятельно, независимо, в соответствии с собственным пониманием дела, ни подо что, ни под кого не подделываясь.

[1] В Москве, на Мертвом переулке, (ныне опять Пречистенском), дом 8, рядом с Австрийским посольством, в барском особняке был тогда Институт Деткомдвижения. Там работала моя мама, там мы и жили. Лебедев жил поблизости, тоже на Мертвом переулке.

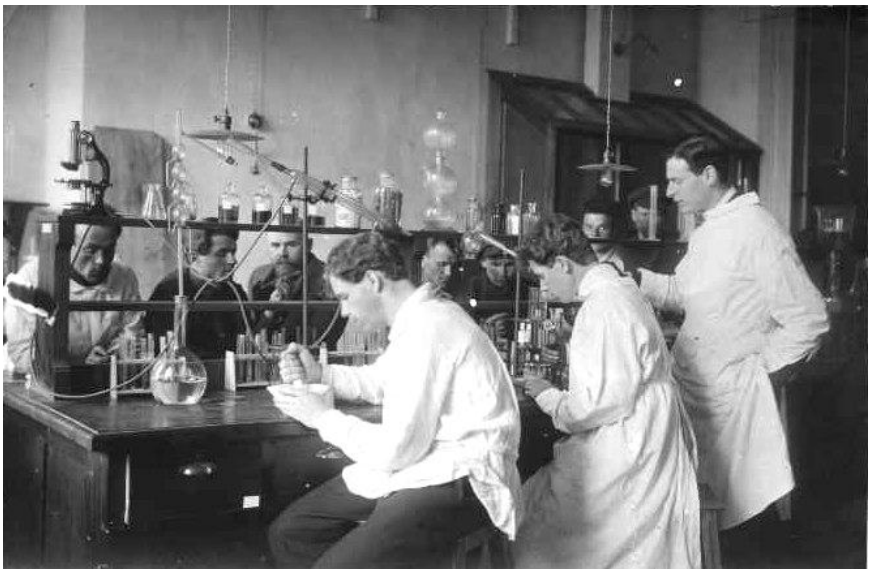
Апрель 1922 – 1923, Петроград

Жизнь делает новый крутой поворот.

«Не бесполезно будет мне...» с некоторым кокетством сказал отец Лебедеву. И действительно, в апреле его посылают в Петроград на учебу в Коммунистический университет имени товарища Евсея Зиновьева. Послали его – или это Иван сам решил ехать учиться и организовал это направление – неизвестно.

Он (университет, а не Зиновьев) помещался в Таврическом дворце, который тогда уже назывался дворцом Урицкого. Сам же товарищ Зиновьев жил в гостинице Англетер, о чем еще будет речь впереди.

Итак, на дворе 1922 год. Иван учится в Зиновьевском Университете. Он – студент годичного курса журналистики, которым руководил профессор Строев-Десницкий. Судя по фотографиям, (сделанным профессиональным фотографом, специально для какой-то публикации), в Таврическом дворце не только проходили лабораторные занятия.



Там читались лекции.

Здесь же было общежитие со спальнями, в которых студенты проводили свободное время, сидя на кроватях и табуретах.

Здесь же во дворце была и студенческая столовая.

Дворец в парке над прудом, залы с высокими потолками и лепниной, люстры – и так противоречат всем этим атрибутам былого стены, сплошь закрытые портретами, плакатами, демонстрирующими реальные или будущие успехи. Столовая со столами, покрытыми клеенкой, а то и газетами, истоптанный грязный паркет с окурками, весь этот казарменный быт во дворце так странно выглядит сегодня.

В парке около дворца студенты загорают,

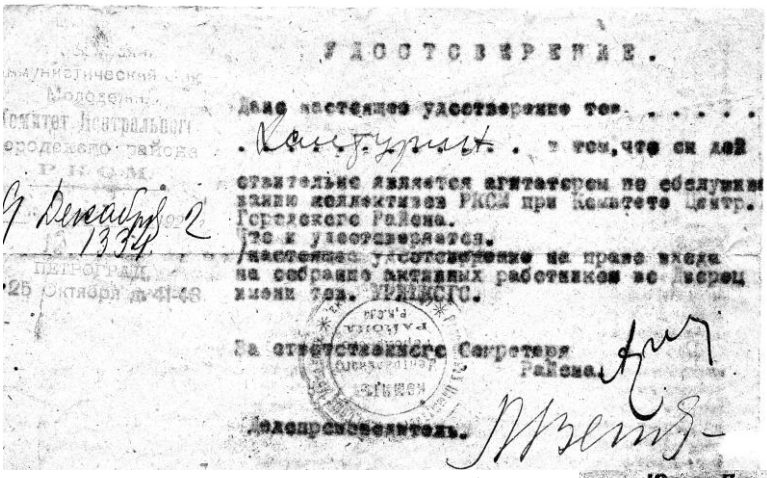
проводят на свежем воздухе занятия каких-то кружков.

На перемене. Профессора фотограф поместил на заднем плане. Ведь не профессура, а масса пролетарских студентов - главное в этом университете. Профессор в белом, с бородкой, воплощение академизма, стоит с отрешенным видом. Может быть, это и есть Строев-Десницкий?

Видимо, это библиотека, хотя похоже больше на «красный уголок». На полках не солидные книги или учебники, а брошюры. Читатели – в пальто и кепках. Холодно. Да и «буржуазные манеры» - снимать шляпу, входя в дом – отменяются. На стенах диаграммы, плакаты. На одном из них можно прочесть**: «...на фронте смычки города с деревней».** Гражданская война окончена, но военная терминология еще долго будет сохраняться. Даже ***«смычка»,*** то бишь содружество, производится ***на фронте.*** Теперь мы знаем, кто победил на этом фронте.

Посмотрим на групповые фотографии студентов. Это выпускные группы. Ивана там нет. Оставим в стороне парковую красоту, увеличим кусок снимка, и вглядимся в лица. Куда девалась индивидуальность и самостоятельность, которые бросались в глаза у делегатов XI партконференции в Вятке?

В отличие от тех, эти комстуденты все какие-то одинаковые, лица с поразительно одинаковым выражением, которое ничего не выражает. Разве что (слева внизу) бородач и (справа внизу) чубатый, (рыжий небось), устремленный куда-то, немного разнообразят эту компанию. Да и то не очень, только внешне. Те, в Вятке, что-то думали каждый. Эти уже не думают – они уже «знают, как надо...». Всего два года прошло.



УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано настоящее удостоверение тов. Халтурин в том, что он действительно является агитатором по обслуживанию коллективов РКСМ при Комитете Центр. Городского Района.

Что и удостоверяется.

Настоящее удостоверение на право входа на собрание активных работников во Дворец имени тов. УРИЦКОГО.

За ответственного Секретаря Района.

Делопроизводитель.

Коммунистический Союз Молодежи. Комитет Центрального Городского района РКСМ. 9 Декабря 1922 г. № 1334. ПЕТРОГРАД. 25 Октября д. 41-48.

Отец никогда не жил в университетском общежитии и вообще не чувствовал себя в этом котле как дома. Он никогда не рассказывал мне об университетском периоде своей жизни, никогда не упоминал никаких имен. В Зиновьевском Университете он не нашел ничего, близкого своей душе. Конечно, он посещает занятия, но не очень-то усердно. Видимо, и общий уровень студентов, а значит - и уровень преподавания - был не по нём. Хотя он, конечно же, участвует в комсомольско-партийной жизни, о чем говорят его удостоверения и мандаты[1].

Юные Пролетарии Всех Стран Соединяйтесь

Р. К. Союза Молодежи 2-го Гор. Района.

26-IX 1922 г.

Мандат № 122

Дан сей тов. Халтурину И. И.

в том, что он делигирован на Делегатское совещание к 8 губс'езду

от к-ва Зиновьева с правом РЕШАЮЩЕГО голоса

УПРАВЛЕНИЕ

4-я Гос. Тип.

Зиновьевский Университет шефствует над детскими домами имени Карла Либкнехта и имени Розы Люксембург. Работа с детьми все больше увлекает Ивана. Он проводит там массу времени и на университет уже не хватает ни времени, ни души.

В младшей группе Детдома

[1] На мандате печать «БЫЛ». Контроль! Стало быть были и нарушители дисциплины, прогульщики.

А вот еще одна детдомов-ская фотогра-фия. По какому-то торжественному случаю сняты младшие детдомовцы с представителями ГПУ, они в центре. Вот Иван - его, длинного, нагнули, чтоб было видно тех, что сзади. И кепка на полу. Заметим женщину в белом плаще. Это О.Иванова, которая появится на 43 страни-це. Воспитание было насквозь политическое. Малыши, выглядят как детский сад, а над ними лозунги. «***К трудящимся братьям своим на пашни, на нивы и в поле, как гордые пчелки, летим***».

Образ маленьких трудолюбивых пчелок трогателен и не противоречит виду этой малышни.
Но вот второй лозунг:
«***Идем мы***
на смену уставшим борцам»…

Ну, просто нет слов !

Похоже, снимок справа, сделан еще в Вятке. Мы знаем, что в Вятке был детдом при совпартшколе. Он этой школой заведовал. Он упоминает об этом детдоме в письме Зине. Лицо у Ивана совсем еще детское и знакомая рубашка с вышитым воротничком, он в ней снимался в Вятке (стр. 31).

Говорят, маленькие дети и собаки безошибочно чувствуют хорошего, доброго человека. Удивительно, как Иван, сам еще почти мальчик, (несмотря на свой руководящий стаж), близок детям. Эти малыши – детдомовцы. Как выразительны детские лица! Девочка у него на коленях смотрит спокойно. Она уже привыкла, и детдом – ее семья. А двое малышей внизу - еще боятся, страдают, и ищут у Ивана защиты.
Иван все больше втягивается в работу в детдомах. Детдом был продолжением его активного образа жизни, его практической работы. Он был просто не в состоянии превратиться в только студента, заниматься только собой, только своей учебой, тем более, что она его не удовлетворяла. В письме товарищу Зине в октябре 1922 он пишет:

Во первых строках моего письма сообщаю, что наклонность впасть в детство у меня не только не уменьшилась, но наоборот увеличивается. Бываю в двух детских домах, шефом которых состоит наш Университет. Великолепные ребята! Сколько в них простоты, непосредственности! Какая неведомая сила влечет меня к детям - не знаю; вероятно действует закон контрастов; сказывается отсутствие семьи и..... одиночество. Не страшно ли в самом деле коммунисту чувствовать себя одиноким среди полутора тысяч студентов-зиновьевцев, тоже коммунистов. Ну что ж делать - из песни слова не выбросишь.

Так вот, когда "и скучно, и грустно и некому руку подать", когда большое горе или просто очередной припадок меланхолии - надо идти к детям, один вид их - лучшее лекарство против сих бедствий.

В детдом Иван не просто приходит провести занятия кружков. Он глубоко погружается в эту проблему, видит ее как историческую реалию, как характеристику эпохи. И собирает материал для статей об истории детских домов – тех двух, с которыми он связан. Уже заботится об истории, хотя она еще только началась! Я не знаю, была ли эта статья - или статьи - написаны и опубликованы. В отцовском архиве сохранились только вот эти наброски.

Трудовая колония (Сергиевская, 33)

Собраны дети рабочих и крестьян, никогда не бывавшие в приютах. В апреле 1918 дети были высланы в разные губернии для спасения от голода, с сентября 1918 они прибывают в Петроград, где попадают через распределительный пункт в новые колонии (особняк). Колония открыта к годовщине Октяб. рев. 7 ноября 1918 г., особняк графини Клейнмихель. Дети были неграмотны, школа открыта 18 марта 1919, Захарьевская, 100. Классы а, б, в, г, выше не оказалось. Ко 2-ой годовщине Окт. револ. колония переехала на Таврическую, 3 и получает название 32-го детского дома. В июле 1920 происходит первое сокращение колонии – отправлено к родителям 100 человек. В январе 1921 – переезд на Шпалерную, младшие два класса отправляются в другие колонии, переезжают 75 человек.

Самоуправление началось.

I. ***Небольшое вступление.***
II. ***Характеристика Голицынской школы. (В 1920 ходили в Смольный собор и выстраивались на старые места. Замкнутость после революции, состав детей в связи с революцией не изменился, из распред. пункта поступали мало, педагоги старые).***
III. ***История Октябрьского дома. Зачатки самоуправления.***
IV. ***Момент слияния. Слияния боялись оба, заведующие оставались старые, ДД был приостановлен на месяц.***
V. ***Направления работы дальше, и связи с Зиновьевским Университетом.***
VI. ***Самоуправление. Схема, объем работы.***
VII. ***Культурно-политическая работа, кружки.***
VIII. ***Летняя работа.***
IX. ***Связь с шефом.***
X. ***Иниц. группа, другие ДД 52-48-16.***
XI. ***Московская экскурсия.***
XII. ***Школа и детский дом.***
XIII. ***Перспективы.***

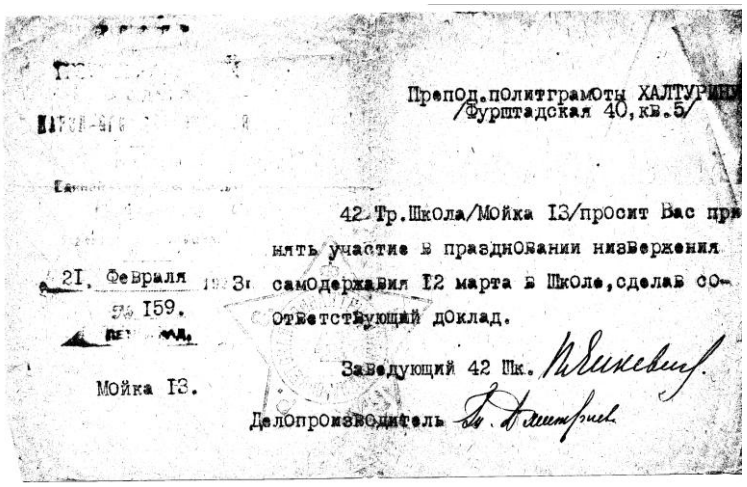
Работа в детдоме не сводится к культурно-политической и воспитательной. Как и в семье, все время возникает что-то неожиданное, требующее немедленных действий. Халтурин оказывается нужным везде и для самых разных дел, без него - ну просто никак.

Вот записка:

Товарищ Халтурин (или товарищ Новинский),
Вы хотели сегодня ехать к Нейбут хлопотать о наших новых мальчиках. Это дело надо остановить. Вчера вернулся наш доктор из отпуска и, осмотрев их, сказал, что у одного чесотка, а у другого трахома, поэтому требует, чтобы их сейчас же отвезли в распределительный пункт (Каменноостровский, угол Монетной, где когда-то был Лицей). Будьте добры, поговорите с Новинским и увезите их сейчас же, пока дети в школе. Обе болезни очень заразные и доктор <требует>, чтоб это было исполнено сейчас же.
Что же вы вчера не приехали? 29/III-1923 О.Иванова

Конечно же, он погрузился в детдомовские дела – но его хотят на все 100%! Нет, он нужен и самому себе. Вот вчера и не приехал.

Иван работает не только с детдомовцами. Его приглашают в школы. Например, 42-ая школа (Мойка, 13, что напротив последней квартиры Пушкина). Программку вечера печатали, похоже, на допотопной технике («гектографе»), с помощью которой революционеры когда-то печатали свои листовки и «прокламации» с оригиналов, написанных от руки, лиловыми чернилами.


Препод.политграмоты ХАЛТУРИН
/Фурштадская 40,кв.5/

42 Тр.Школа/Мойка 13/просит Вас принять участие в праздновании низвержения самодержавия 12 марта в Школе,сделав соответствующий доклад.

21. Февраля 1923
№ 159.

Заведующий 42 Шк.

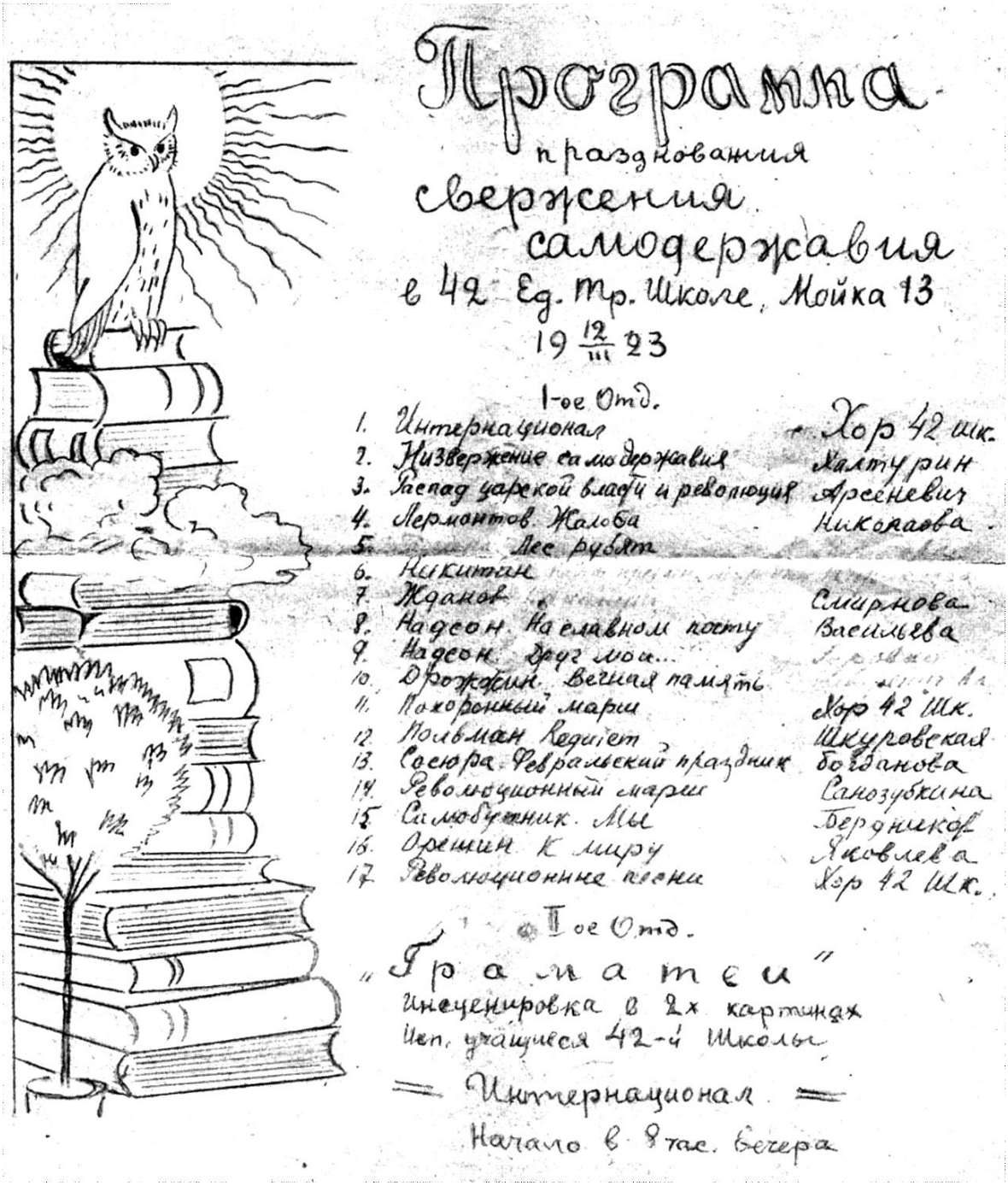
Мойка 13.

Делопроизводитель

На программке мы видим всякие символы учености: заоблачный монблан книг, и на самой вершине - светоч знания, мудрость-сова, а внизу – древо, обещающее практические плоды учености. Скорее всего, это то самое древо, с помощью которого Ева вдохновила Адама и всех его потомков-научников на поиск истины и на.... нерайскую жизнь.

Лиловые чернила выцвели, содержание уже с трудом и не везде

разберешь. Переверни страничку, читатель, и вот перед тобой этот романтический букет символов в лучших традициях Державинских времен. И, как молитва – Интернационал - в начале и в конце программы. Новое вино - в старые мехи.



Программа
празднования
свержения
самодержавия
в 42 Ед. Тр. Школе, Мойка 13
19 12/III 23

I-ое Отд.

1. Интернационал — Хор 42 шк.
2. Низвержение самодержавия — Халтурин
3. Распад царской власти и революция — Арсеньевич
4. Лермонтов. Жалоба — Николаева
5. Лес рубят
6. Никитин
7. Жданов — Смирнова
8. Надсон. На главном посту — Васильева
9. Надсон. Друг мой...
10. Дорофеин. Вечная память
11. Похоронный марш — Хор 42 Шк.
12. Польман Кедиет — Шкуровская
13. Сюита. Февральский праздник — Богданова
14. Революционный марш — Самозубкина
15. Самобытник. Мы — Бердников
16. Орешин. К миру — Яковлева
17. Революционные песни — Хор 42 Шк.

II-ое Отд.

"Грамотеи"
Инсценировка в 2х картинах
Исп. учащиеся 42-й Школы

Интернационал

Начало в 8 час. Вечера

Начало кризиса, осень 1922.

Прошло несколько месяцев после приезда из Вятки. Иван чувствует себя одиноким в Университете. Он пока воспринимает это как разочарование в самом себе. Он ищет живую душу, с которой можно было бы откровенно поговорить. Не находит ее в Питере и пишет в Вятку. Надежному другу – товарищу Зине.

25.09.22 В Вятку

Товарищ Зина!

Большое спасибо тебе за письмо. В пику тебе весь ответ хотел наполнить описанием Петроградской Губ. партконференции, но пожалел тебя и раздумал.

Во первых строках моего письма сообщаю, что наклонность впасть в детство у меня не только не уменьшилась, но наоборот увеличивается. Бываю в двух детских домах, шефом которых состоит наш Университет. Великолепные ребята! Сколько в них простоты, непосредственности! Какая неведомая сила влечет меня к детям - не знаю. Вероятно, действует закон контрастов: сказывается отсутствие семьи и..... одиночество. Не страшно ли в самом деле коммунисту чувствовать себя одиноким среди полутора тысяч студентов-зиновьевцев, тоже коммунистов. Ну что ж делать, из песни слова не выбросишь.

Так вот, когда "и скучно, и грустно и некому руку подать", когда большое горе или просто очередной припадок меланхолии - надо идти к детям, один вид их - лучшее лекарство против сих бедствий. Между прочим, взял шефство над одной молоденькой девочкой - Наташей. Изволь описать, как живут ваши пионерчики, передай им от меня большой привет! К моему большому удивлению не все порвал и с комсомолом, есть известная тяга к работе в союзе.

Избран на районную конференцию, один коллектив выдвинул мою кандидатуру на губпетроградский съезд союза.

Надо будет суметь совместить «академию» с практической работой, без которой я жить по-человечески не могу. Хотя, с другой стороны, ты можешь последовать умному совету Кузьмы Пруткова: «Плюнь тому в глаза, кто скажет, что может объять необъятное».

Каково мое внутреннее состояние - не берусь даже сам разобраться. Думаю, что кризис проходит, и удастся засесть за учебу. В университете у краткосрочников вообще слегка демобилизационное настроение - результат каникул, которые показали несоответствие того, что требуется для практической работы на местах, и того, что дает годичный курс Ун-та.

Решил твердо перейти на трехгодичный курс, набор куда будет в феврале, по окончании нашего теоретического курса занятий. Так как будут приниматься только краткосрочники и приема со стороны не будет, квалификация набора, вероятно, будет выше предыдущих.

Немного смущает то, что я очень уж плохой коммунист. Р.К.П. - нужны ли ей сейчас такие размягченные интеллигенты-одиночки. Коммунист - официальный пропагандист жизнерадостности, а я нытик, и нытье мое явление хроническое, присущее постоянно моему существу. Коммунист - прежде всего коллективист, а я индивидуалист, одиночка. Об этом стоит подумать...

Временами мне кажется, что природа создала меня анархистом...Во всяком случае мои взгляды не уложить в партийное Прокрустово ложе. Бухаринского евангелиста из меня тоже очевидно не выйдет. Кстати, лишний раз убедился как короток путь от неудовлетворенного желания иметь комнату для занятий до ... мировой скорби.

Ну, пока, прощай! Надеюсь, что следующее письмо будет не о трагедии одиночества, не о проклятых вопросах.

«Смотри в даль - увидишь даль. Смотри в небо - увидишь небо. Но взгляни в зеркальце, увидишь только себя». Будем смотреть в небо, на море, только не в зеркальце.

Иван Халтурин

Имя адресата второго письма, 15 октября 1922, не названо (черновик?), но, видимо, это она же, Зина.

Воскресенье 15 октября 1922 В Вятку
<Зине>

С великим удовольствием читал твое ругательное письмо – ведь меня так мало бранят, что на человека, который это осмеливается сделать, я смотрю даже с невольным уважением. А кроме прочего – у тебя большое преимущество – ты единственный пока в Р.С.Ф.С.Р. человек, находящий возможным и, очевидно, нужным переписываться со мной. А это дает немало прав твоей персоне.

Ныть в письме больше не буду, не потому, что все спокойно и благополучно, а потому что, в конце концов, это и смешно и скучно. Да и, кажется, из периода нытья выхожу – надолго ли, не знаю.

В прошлое воскресенье в первый раз начал читать всерьез. Не строй больших глаз, а впрочем можешь и поругаться. Но поверь, что до этого был не в состоянии. В Вятке я, что называется, храбрился, а здесь распустил нюни. Притом операция с «ре-варваризацией» оказалась сложной и длительной. Откровенно говоря, несколько месяцев я <не> хотел совершенно разговаривать с Вяткой и только твое письмо нарушило сей план. Впрочем, все к лучшему в этом лучшем из миров.

В пятницу 6 октября у меня «исторический» день: в первый раз выступил с трибуны Таврического дворца. Была дискуссия, быть или не быть коллективу РКСМ в Ком. Унив-те. Вместо неявившегося докладчика, секретаря Петроградского Губкомола, бюро коллектива выставило меня. И пришлось говорить мне, рабу божию. В конце единогласно была принята моя резолюция. Ликвидаторство самоликвидировалось и работа коллектива оживает. Организуются два кружка по изучению юношеского движения, издается стенная газета «Юный Зиновьевец», ведется работа в двух детских домах. Понятно, везде приходится принимать участие. Так как в Ун-те много старых комсомольцев со всех окраин Республики, сейчас собираем материал для сборника по истории юношеского движения в России. К новому году, вероятно, выпустим. В детском доме ведется подготовка к октябрьским торжествам. Готовится пьеса, разучиваются стихи, революционные песни и пр.

Вот что – пишите вы из детдома совпартшколы нашим детям, они с удовольствием ответят и начнут переписку. Это было бы небезынтересно. Кстати, дети даже в младшей группе обрадовали меня – они учат уже немецкий язык, а я его совсем позабыл. Ребята у нас хорошие, смышленые. Пишите и увидите, какой интересный ответ они пошлют. Адрес – можно взять мой.

Что касается твоей печали, что некогда читать и заниматься – даю единственный совет – брось, пожалуйста ты свой жен-отдел и работай исключительно в школе. Вечно ты тут сидеть не будешь, все равно дело придется кому-нибудь передавать. Найди себе приличную заместительницу и особого удара российской революции от такой замены не произойдет. Сидеть вечно на орг-работе и беготне нельзя.

Изволь написать, как прошел губсъезд комсомола, кого выбрали в губком и о прочих комсомольских новостях. По-прежнему ли заседает в губкомсомоле несравненный Борис Владимирович Кинд? Каковы итоги Губ.Партийной конференции? Впрочем ведь один дурак может задать столько вопросов, что и сто мудрецов не смогут ответить.

Ив.Халтурин

Жду по почте несколько миллиграммов твоей жизнерадостности.

Он уже ощущает себя – не коммунистом – а интеллигентом. Еще как будто винит себя самого во внутреннем разладе. Что же это такое – его «*нытье*»? Вдумаемся в эти слова. Ни коллективиста из него не получается, ни «бухаринского евангелиста». Его развитие – внутреннее. И потенциал развития – колоссальный! Его свободолюбивой душе – да и просто привычке с младых ногтей работать самостоятельно - претит начетничество «евангелизма» - таков был уже в это время стиль преподавания в Комм. Университете. Он хочет свободно думать, свободно работать. ***«Природа создала меня анархистом...»*** - да, она явно создала его вольнолюбивым – вспомним его гимназические сочинения, его решительный разрыв с отцом. Это относится к его натуре, к тому в нем, что «от бога». Но ***«Мои взгляды...»*** - это уже далеко от комсомольской, полудетской веры в правильность всего того, что происходит. Это первое свидетельство начинающегося в нем неприятия партийного режима, отчуждения от партидеологии.

Зина его «поругала» за то что он «распустил нюни». Он обиделся, ждал, видимо, большего понимания. Но прячет обиду за иронией, немного хорохорится. ***«Ныть в письме больше не буду, не потому, что все спокойно и благополучно, а потому что в конце концов это и смешно и скучно. Да и, кажется, из периода нытья выхожу – надолго ли, не знаю».*** И быстро переходит на привычную стезю комсомольского деятеля: ***«...единогласно была принята моя резолюция», «...сейчас собираем материал для сборника по истории юношеского движения в России.», «Каковы итоги...»*** В конце письма - его совет ей – это почти то, что он хотел бы посоветовать самому себе: ***брось ты это все*** (организационно-административную работу) ***и займись делом.*** (работой в школе)**.** И жажда душевной поддержки: ***«Жду по почте несколько миллиграммов твоей жизнерадостности».***

Пролетарии, соединитесь!

Тов. [illegible]

Петроградский Губернский Комитет Р. К. С. М. приглашает тебя на Торжественное открытие 9-го Губернского Съезда Р. К. С. М., имеющее быть 9-го Мая с. г., в 6 часов вечера, в Митинговом Зале Дворца Труда.

Петрогубком Р. К. С. М.

Билет

Что должен знать член Союза.

1. Каждый член Союза должен ознакомиться с напечатанным здесь Уставом своего Союза.

2. Каждый член Союза должен знать, что только для организованных людей возможна борьба за улучшение своего быта, а потому в интересах самих трудящихся разъяснять задачи и цели Союза тем, кто их еще не понимает.

3. Член Союза должен возможно ближе знакомиться с жизнью Союза, знать его решения и постановления и подчиняться таковым.

4. При всяких конфликтах и недоразумениях на месте службы, надо прежде всего обращаться в свой Союз, через Местком, делегата или непосредственно.

5. Членские взносы должны уплачиваться аккуратно при каждом получении заработка.

6. Член Союза должен следить за тем, чтобы в его книжке аккуратно делались отметки об уплате членских взносов.

7. При безработице необходимо немедленно зарегистрироваться на Бирже Труда и с ее билетом являться не реже одного раза в месяц в Союз для отметки об освобождении от уплаты членских взносов.

8. Член Союза должен бережно и в чистоте хранить свою книжку, помнить ее номер и не делать в ней самому никаких пометок и записей.

9. При перемене места службы, должности, личного адреса—надо заявить в Союз для своевременной отметки.

10. Следует всегда иметь при себе членскую книжку.

Всероссийский Союз Работников Просвещения.
Петроградский Губернский Отдел.

Членская книжка

№ 31040

Фамилия Халтурин
Имя Иван
Отчество Игнатьевич
Год рожд. или возр. 1902.
Место службы К. У. им. Виноградова
Специальность [illegible]
Должность студент
Время вступл. в Союз Сент 1919 г.

Книжка выдана Апрель 1923 г.

М. П.

Секретарь Союза [illegible]

Зав. Орготделом

Привычный молодой оптимизм еще борется в нем со все нарастающими сомнениями. Он ищет свое место в этой новой жизни, в создание которой он с юных лет вложил себя без остатка.

Он как будто «выздоравливает»: продолжает активно работать в детдомах, без чего он ***жить не может,*** восстанавливает свое членство в профсоюзе работников просвещения, куда вступил еще в Яранске, когда работал в библиотеке ГорОНО, ведет в детдомах многочисленные кружки.

Но текущая работа, съедая его время, оставляет мало возможности для развития, для роста. Неудовлетворенная эта потребность беспокоит, зудит. И он начинает тяготиться детдомовской работой.

Халтурин, по ошибке попавший в Крым. 1923

В это время на его горизонте появляется девушка Шура. Она тоже студентка Зиновьевского Комуниверситета, тоже работает в детдоме. Возвращаясь из Крыма в июне 1923, куда он «неожиданно попал», он пишет ей:

«...остановился в Москве. Ребята соблазнили остаться на Комсомольский съезд. Он обещает быть очень интересным». «Настроение жизнерадостное, бодрое».

Да, Крым, Москва, новые впечатления и знакомства. ***«Настроение бодрое»,*** и работать в детдоме он больше не хочет. Просит Шуру договориться об этом. Но не удалось.

Закончен годичный курс Зиновьевского Университета и трехмесячный курс журналистской секции. Вот удостоверение об окончании, подпись ректора университета Канатчикова.

С. С. С. Р.
ПЕТРОГРАДСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ
тов. ЗИНОВЬЕВА
«11» июня 1923 г.
№ 7131
ДВОРЕЦ УРИЦКОГО

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Дано сие Петроградским Коммунистическим Ун-том имени тов. Зиновьева т. Халтурину Ивану в том, что он окончил в 1923 г. краткосрочный (годичный) курс вышеназванного Университета, при чем по окончании теоретической части проработал 3-х месячный курс на Журналистской секции.

Отзыв о работе тов. ...

в Университете направлен в ...

Вышеизложенное подписями и приложением печати удостоверяется.

Ректор Ун-та
Заведующая учебн. частью
Секретарь Ун-та

Что же дальше? В это время он еще числится по Университету и продолжает работать в детдоме.

Согласно профсоюзной книжке, он платит взносы как студент до августа 1923 включительно[1]. Но вот с сентября и до апреля 1924 от уплаты освобожден.

В чем дело? Армия!

Октябрь 1923 – апрель 1924.
Армия, Новгород.

6 октября он получает «справку», что он должен пройти военное обучение по 90-часовой программе.

С 9 до 12 должен находиться на работе, а с 12 до 18 – проходить курс военного обучения в течение 16 рабочих дней. Прошел ли он это обучение, мы не знаем.

В ноябре 1923 он был «парт-мобилизован» и направлен «культ-бойцом» в составе 164-го Краснопресненского полка, находившегося в селе Медведь, Новгородской губернии. Это так называемая «терармия», территориальные сборы, созданные в то время по идее Троцкого. Иван видит бестолковую организацию этих сборов, бесчеловечное отношение к терармейцам. Он записывает разговоры «терармейцев». Вот они, на следующей странице.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
пункт
Военного Обучения.
« 6 » Октября 1923 г.
№ 475
Адрес
г. Петроград.

СПРАВКА.

Дано сие тов. Халтурину Ивану рожд. в 1902 г. в том, что он должен проходить курс военной подготовки по 90 ч. программе. Обучение производится ежедневно от 12 до 18 часов курс обучения проходится в течении 15—16 дней. На основании декрета Совнаркома проходящий обучение сохраняет за собой место службы и положенное содержание. Утренние часы обязан находится на службе в своем предприятии.

Ст. Инструктор—Организатор

[1] В мае – 4 р, потом – по 10 к. Вот как сработала реформа!

- ***Суп плохой, как вода в Волхове. Каши птице клевать.***
- ***Квартирник дал вместо топора - тряпицу.***
- ***Всем тер-армейцам на 2 недели сняли волосы, а командирный состав с волосами.***
- ***Собрали, чтоб заморозить, простыть и вернуть калекой.***
- ***Через 2 недели вернуться домой и итти в тюрьму за неуплату продналога.***
- ***Жалование, будет ли оно выдаваться?***
- ***Как пойдем домой после роспуска тер-сбора, так обувь наша развалилась и босиком придется итти.***

Новгород, 1924

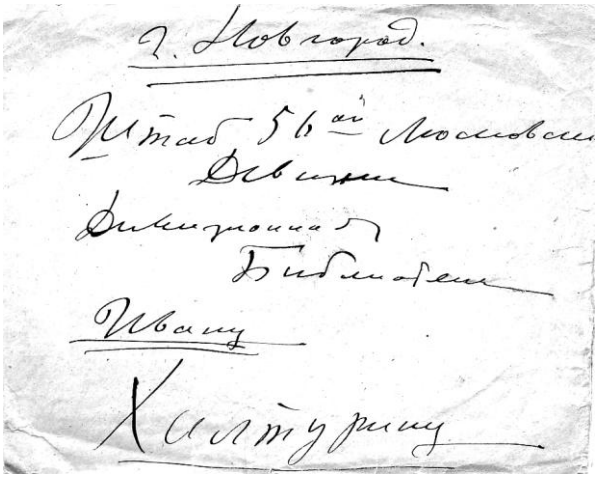
Из Медведя Ивана перевели библиотекарем политотдела 56-ой Московской дивизии, уже в самом Новгороде. В Новгороде Халтурин не только библиотекарь. Не только занимается с тер-армейцами. Он ведет газетный кружок в местной совпартшколе.

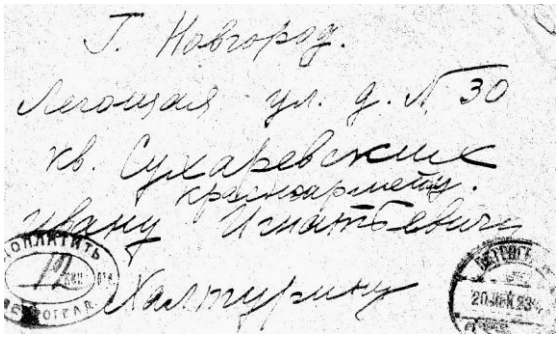
С начальством отношения не радуют. Вот очень любопытная записка ему с указаниями.

Т.Халтурин во-первых позвольте Вашу статью, во-вторых написали Вы статью в «Красную звезду», в «Новгородскую Зв.» и т.д. и во третьих сообщаю Вам, что на вчерашнем заседании бюро решено провести для коммунистов-терармейцев 1-го б-на три беседы, на темы 1) Международное положение, 2) Налоговая политика, 3) Тер-комплектование. Эти лекции-беседы проводятся потому, что коммунисты тер-армейцы очень и очень отсталый элемент и требуют постоянной обработки. Руководителем этих занятий являетесь Вы, милостивый государь, о ***време*** *и месте условьтесь с военкомбатом, тов. Башенковым, Вот все, что я имею честь Вам сообщить.*

В заключение примите и прочее... *Кузнецов*

Так и видишь за строками письма историю ситуации. Хамоватый Кузнецов, (комиссар?), чином выше красноармейца Халтурина, позволил себе какие-то грубости. «Тыканье» было, видимо, самым невинным из того, что он себе позволил. Иван спускать хамство не способен и не привык. Вероятно, хорошо ответил. И – забастовал. А деваться Кузнецову некуда, беседы проводить и статьи писать во все армейские газеты *(«и т.д.»)* надо, он за это отвечает по службе. Делать все это кроме Халтурина - некому. И бедняга Кузнецов кипит но все ж «Выкает», подчеркивая с нажимом каждое “Вы”. И указания дает в письменном виде.





В Новгороде Иван живет не в казарме, а на квартире. Хозяева, Сухаревские – молодая пара, у них маленькая дочь Златочка, которая называет себя Адичкой. Она очень привязалась к дяде Ване, и когда срок его службы кончился и он уехал, она «писала ему письма». Потом мы встретимся с Адичкой и ее письмами.

Любовь
1923-24 год

Они познакомились в марте 1923, в комуниверситете, где Шура тоже училась. История этой любви записана в черновиках писем Шуре, в записочках самому себе, размышлениях на клочках бумаги. Мысли о Шуре ***«радуют и бодрят»***. И в то же время рождают сомнения. ***«Когда люди практически не соприкасаются друг с другом - позабываются частности, мелочи - и вместо реального человека создается образ, отвлеченность. Люди ведь так охотно присваивают другому человеку качества, которые они хотели бы видеть в нем. Не повинны ли мы оба в этом? Ведь почтительное расстояние, нас разделяющее, так этому содействует!»!***

«За эти две недели я много думаю о ней. Что соединяет нас? Прочен ли этот союз?» «Она замкнута. Через 8 месяцев знакомства от ея самой я знаю о ней столько же, сколько и в первую встречу».

Он размышляет о любви – какой она должна быть.

«***Несмотря на наши интеллигентские искания, мы – не герои Гамсуна и Пшебышевского. Какая колоссальная разница между нами! Для них любовь – это все. Для нас – канвой для нее должна быть общая работа. Только на фундаменте коллективного труда может вырасти крепкая и полная новая любовь. Когда этого главного условия нет - неизбежны разобщенность и кризисы. Но я беру себя в руки. Впереди – работа, надо уйти с головой в нее...».***

Он зовет Шуру приехать к нему – хоть на два-три дня. Не выдерживает и в первых числах февраля едет сам. В дневниковой записи читаем: «***В Новгороде накануне отъезда читал «Ингеборг» Келлермана. Книга - сплошной гимн любви..***»

Поездка не принесла ожидаемой радости встречи. Оказалось, что взаимного понимания нет. Так и думал: находясь в разлуке: приписываешь такие черты, которые хочешь видеть, а встретились – и все оказалось не так. И письмо ее, полученное в Новгороде по возвращении, только подтверждает это. Он страдает, ищет свою вину, пытается объясниться, не умеет... Решает не отправлять написанное, все равно понимания нет.

Такой естественный конец...

Конец? Нет, это не конец любви, а конец переписки! Они сумели преодолеть непонимание. И мы узнаем об этом из писем трехлетней Адички и ее мамы, из Новгорода в Питер:

«Миий дядя Ваня, Адиська тебя помнит и скусяет. Ни скусяй дядя Ваня пусть тетя Сюя не дает тебе скусять и пусть она поцеюет дядиську Ваниську за Адиську».

«Здравствуй, Ваня!
Твое письмо получили....Златочка каждый день вспоминает тебя. Сегодня мы над ней перехохотались. Вскакивает утром, смеется, протирает глаза и говорит: - Адя видея дядю Ваню и тетю Сюю, они за Адиськой пиехаи».

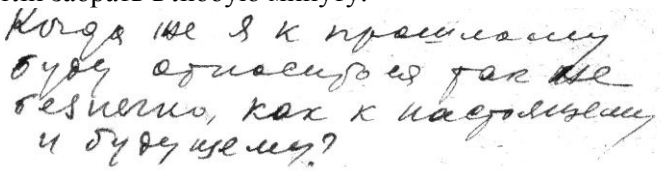
Значит Шура все-таки приехала к нему в Новгород и внесла успокоение.

Из этих писем, записок, терзаний и размышлений складывается коротенькая повесть. Мы приведем ее отдельно, под названием «История одной любви».

Заметим, что к письмам, записочкам, своим и чужим, к клочкам «дневниковых» записей, он относился как к историческим документам. Это началось, как мы помним, еще в гимназические годы. Все эти справки, мандаты, черновики, письма отец бережно хранил, мотаясь по разным

квартирам при кочевой его жизни: Яранск, Вятка, Петроград, Новгород, Москва. Он хранил их и в войну, и в самые черные годы, когда его могли забрать в любую минуту.

Мне кажется, что и себя самого он рассматривал отчасти со стороны, как некий экспонат собственного исторического музея. Вот характерная запись:



Когда же я к прошлому буду относиться так же безлично, как к настоящему и будущему?

Апрель 1924, срок его службы кончается, он собирается уезжать. Один из слушателей, Бахвалов, пишет ему прощальную записку, карандашом, на узком обрезке бумаги:

4 апреля 1924 Новгород
Итак, тов. Халтурин, уезжаешь? Ну что-ж, в добрый час! Ты ведь, кажется, едешь в Ленинград учиться? Это самое лучшее пока еще молод и есть желание к тому.. А нам, членам газетного кружка, жалковато терять такого руководителя, как ты. Право, ты славный был преподаватель и товарищ, совсем не похож на тех «вумных» преподавателей, которые в большинстве случаев попадаются нам. Ну, ладно! Итак, будь счастлив, дорогой товарищ Халтурин... Если будет свободное времечко, то напиши нам в газ.кружок своих пожеланий по нашим занятиям и сообщи, как и где устроился. С комм. приветом
Совпартшколец Бахвалов

Что-то случилось с ним в эту тер-армейскую зиму. В одной из записочек читаем: «Что то болен я, нездоров...». «Вчера К.Н.[2] сказал, что Вы хвораете. Это совсем уж худо» - пишет ему из Питера С.И.Бухбиндер. Что же это было? Не знаем. Он страшно похудел – хочется сказать – отощал, выглядит намного старше своих лет – а ему всего 21.

По возвращении из армии он побывал в Вятке – сфотографировался с друзьями. Борис Кинд, Варя.

В центре этой фотографии – знакомое лицо. Мы видели его еще на фотографии Союза учащейся молодежи, на стр. 9. Человек он, похоже, руководящий. Неспроста он снялся с этой компанией, бывшей редакцией газеты «На смену» по случаю приезда Ивана. Думаю, это Костерин. В жизни Ивана он возникал в важные моменты. Он был в центре на фотографии Союза учащейся молодежи. Еще в Яранске он подписал назначение Ивана библиотекарем, (стр. 8). Потом, в Вятке, в качестве секретаря вятского губкома, командировал Ивана в Москву, в оба ЦК (стр. 19). Любопытно – правильно ли мы угадали. Костерин – человек известный. Наверняка в Вятке есть его портреты. Посмотреть бы на них!

[2] Константин Николаевич Лебедев, заведующий детдомом.

Но прежде, чем ринуться в новый период жизни Ивана Халтурина, задержимся немного на детдомовских его товарищах. Во время его терармейской зимы они писали ему.

Письма, письма

Иван в армии. Отсутствие его в детдоме, оказывается, очень заметно, его там просто недостает. Ему пишут. Но Иван не очень-то склонен регулярно переписываться. Все, кто любит и ценит его, жалуются на это, каждый в своей манере.

Жаль, милый Ванечка, что не забежали проститься, я Вас поджидала.
Из клиники выхожу на-днях, а когда поеду в Псков еще не известно. От брата ответа еще не было.
Ну, всего доброго, спасибо за внимание.
И.Залкинд

Вот Изабелла Залкинд, воспитательница в детдоме. Представляю ее себе – маленькая, тихая, милая девушка. Добрая, мягкая, из хорошей семьи, воспитанная. Как трудно ей с детдомовцами, как нелегко с начальством! Иван для нее человек душевно близкий. Она болела, когда Иван уезжал в армию. Он «не забежал», но, видимо прислал записочку («…спасибо за внимание.»)

Вот другое письмо, от нее же, в Новгород:

25/XII-1923
Здравствуйте, милый Иван Игнатьевич,
Хоть Вы и забыли о моем существовании, но я не плачу Вам той же монетой, часто Вас вспоминаю (не лихом). Сейчас я «треплюсь» (памятное выражение) в детском доме. Отдаю ему почти целиком свое время. Получаю ли удовольствие от работы? Отвечу – нет! Не знаю, в ком вина, во мне или в детях, только мы говорим на разных языках и не понимаем друг друга. С двумя-тремя девочками из старших чувствую себя еще сносно, с другими отношения не ладятся. Константин Николаевич назначил меня воспитательницей старшей группы, но «повышение в чине» меня мало радует. Зваться-то можно кем и как угодно, да толку мало. Впрочем, начинаю понемножку привыкать.
Приезжайте, Иван Игнатьевич, с вами было бы, верно, лучше работать.
Черкните несколько строк, если не лень. Всего доброго.
И.Залкинд

А вот С.И.Бухбиндер, видная фигура в ГубОНО. Энергичная, громкая женщина. Красные чернила (для резолюций), крупный размашистый почерк, пишет - как будто говорит с трибуны**.** Детдом входит в сферу ее забот, не только педагогических и воспитательных, но и, как теперь говорится – жизнеобеспечения:

«... Скажу, что очень обрадовалась Вашему письму. Да, это так, несмотря на то, что живу данной минутой и беру все, что надо для работы, забывая обо всем – все это так, но о Вас не позабыла и не забуду, и ваше исключительное отношение к дому, хотя и пахнет «шовинизмом», меня очень трогает и прогоняет мою бесконечную усталость. Наступает зимний перерыв, и я дала себе слово побывать основательно в доме у детей. В материальном отношении они не жалуются, материю и обувь получают. Я думаю, что все будут одеты. Еда! Что возможно, сделаем.» «Если бы Вы знали, как мало секунд у меня свободных! Конечно, в первую очередь бежишь, где пожар. Здесь все же душа спокойна...» «... если к Рождеству Вы не приедете, то побывав в доме и войдя в его внутренюю жизнь – напишу вам.» «<...нрзб> огорчена – нет даже привета ей. Все же изъявила желание написать вам, хотя бы побранить Вас за «такое» отношение.»
«Вчера К.Н. сказал, что вы хвораете. Это совсем уж худо!» «Очень хотелось бы нам всем вернуть Вас к нам, к нашей работе. Удастся ли? А как Вы нужны!... Какой невероятный голод на искренних работников, а тем более – на творческих. Творить живое – наиболее трудное дело.» «Скажите, что сделать, чтобы Вас заполучить, вернуть к нам?
Напишите о себе – это не фраза.
С горячим пожеланием видеть Вас среди нас. С.И.»

Вот записочки Михаила Полонского. Он тоже работал в детдоме, в 1923 уехал было, но в 1924 вернулся и опять работает в Питере, в детдоме.

Из Москвы, 2 IX 23

Здорово, Ваня!
Пишу для того, чтоб если ты в Питере, напомнить тебе обо мне. Я в Москве, работаю в Ц.Б. Пока не пишу о своей работе. Когда получу ответ, тогда напишу. Думаю, что ты сделаешь исключение и напишешь мне. Вообще-то мне очень хотелось бы иметь с тобой переписку. Но так как ты имеешь обыкновение не писать писем, то боюсь тебя просить об этом. Если захочешь - напиши.
Прощай.
Михаил
P.S. Если будешь писать - пиши на адрес Ц.К.Р.К.С.М. лично Полонскому.

Ваня! Здоров!
Приехал в Питер, хочу тебя видеть. Завтра уезжаю. Нахожусь в <Дет>доме Розы Люксембург.
Позвони по телефону или приходи туда.
Мих.Полонский

Ванька, подлец!
Я завтра уезжаю. С тобой не увиделись. Из-за тебя не сфотографировались...В Москве если захочешь увидеть меня, приходи в Свердловку....
Ну, всего. Михаил.

Ванька, подлец!
Я уехал. с тобой не простившись. Чему, конечно, виноват ты. Остановлюсь на пару дней в Москве, а потом уже в Харьков. В Москве, наверно, тебе придется побыть денек. Если захочешь, заходи в Свердловку ко мне. А не захочешь – шут с тобой. Пиши, прохвост. Я писать буду. Адрес мой ты знаешь.
Привет Коле Деньгину. Ну, прощай.
Михаил

Вот еще одна корреспондентка – Нюся, подружка Полонского. Веселая, «пустосмешка». Письма ее как будто ни о чем – рассказывает, как они с Михаилом и Жанной «порядочно дурят». Но вот уезжает – и письмо грустное.

27 VII 1923

Халтурин!
Сегодня я уезжаю в Москву навсегда… Не знаю, увидимся ли с вами еще когда-нибудь. Поэтому решила вам написать прощальную записку. Мне бы очень хотелось увидеть вас и поговорить с вами, но это сейчас невозможно, поэтому я прощаюсь с вами письменно... Итак, до свиданья, от всей души желаю, чтобы мы с вами еще встретились. Если будете в Москве, зайдите ко мне, мой адрес узнаете у Жанны.
Ваша Нюся

Но вот Нюся приехала в Ленинград и не застала там Ивана.

Халтурин!
Черт знает что! Третий раз начинаю вам писать....Очень жаль, что вас не застала в Ленинграде. Летом думаю, что буду здесь и тогда увидимся.... Если будет желание, напишите мне, это будет очень приятно, ведь мы давно не виделись. Ужасно обидно, что вы уехали. У вас нет собачьего чутья. Как вы могли уехать в субботу, когда я в воскресенье приехала. Обидно, досадно, да ладно...
Пока, Нюся

Маленькое отвлечение. На многих письмах Нюси в уголочке видим:

«Дозволено цензурою. М.П.» или ***«Пропущено. М.П.» (М.П. – Мих.Полонский)***

Как известно, во всякой шутке 99% правды. В данном контексте это конечно шутка. Но не выдает ли эта многократная шутка что в детдоме была цензура на переписку? Все ж таки их шеф – ГПУ. Вряд ли – но не исключено.

Ну, и чтобы покончить с проблемой «неписания писем» забежим немного вперед, посмотрим на одно из писем Николая Деньгина. Деньгин - человек вятский. Про него известно, что он первый организовал оркестр народных инструментов в Вятской губернии. Талантливый, артистичный, он рожден, чтобы быть режиссером. Каждое его письмо – это спектакль. Он просто не умеет иначе. Иван не пишет ему? или пишет мало? - Николай Деньгин разыгрывает “спектакль” на эту тему:

Новгород, 9 дек 1925

Я написал и стал ждать, Ждал долго, ждал упорно, тая в себе те обидные чувства, явившиеся результатом долгого ожидания ответа-весточки от моего друга. За последнее время махнул рукой, решил, что те небольшие чувства любви, теплившиеся так недавно в твоей груди, тихо угасли. Не знаю, какая причина этого, но только знаю, что твое долгое молчание явилось следствием охлаждения твоих чувств ко мне. Ну, что же делать, «силком милому не быть». Я и не навязываюсь и заявляю: коли так, то навеки прощ.... Погоди, погоди, минуточку-с! Там, в другой комнате, кричат, что мне пришло письмо. Мое исстрадавшееся сердце чувствует, что оно – от тебя! О! Как я счастлив! Значит, я еще не забыт и ты меня еще любишь! О! Да благословен день нашей встречи и да благословенно твое письмо!
Подожди одно мгновение! Мне больше терпеть нет сил... Сейчас, одна секунда – и я наслаждусь чтением милых строк! Иду! Лечу! На крыльях радости, любви и счастья!

.....
Какой ужас! Какое горькое разочарование! Нет, я не выдержу этого последнего испытания. Нет, нет, нет. О, как это жестоко! Какая ирония! Нет, к-а-а-к-а-а-я ирония! Это просто черт знает что такое. Это безобразие так жестоко надсмеяться над моими лучшими чувствами. У-у-х! Так бы и порвал собственными руками все и вся. Нет, для того, чтобы это понять, нужно это пережить, пережить такое нравственное разочарование. Я отказываюсь соображать, чувствую, что начинаю сходить с ума, ум за разум заходит...

Для чего, наконец, существует НаркомПочТель и его отделения? За что им только платят деньги? Ох, дармоеды! Ведь нужно ж подносить и ошарашивать человека, и такого порядочного человека – такими сюрпризами! Гм, письмо-о! Нет, ты подай такое письмо, какое я хочу, а не такое, какое приходит. Иначе – бери расчет и баста. Скажите пожалуйста, как вам это нравится – ждал письмо от звезды моей, от объекта моей горячей любви – и... На вот тебе, дескать, любуйся, получай жалкую открытку с десятком ничего не значащих слов, бессмысленных и от кого – бр-р-р! – от представителя журналистики! Ух, черти!

Ну ладно же, ладно, коли так, буду писать тебе, товарищ, буду отвечать на твою открытку.

Здравствуй, Ванька!

Черт тебя возьми с твоей открыткой! Не мог, что ли, больше написать. Ведь пишешь же ты, Джимми-Длинный, какую-нибудь чепуху в печать. Делового-то я, откровенно говоря, до сих пор ни черта не видал, а все одни пустяки. Не мог мне пообстоятельнее написать. Ну, ладно, тогда я напишу.

Ты удивлен, наверно, первыми двумя частями письма и не сообразишь (где уж тебе!) в чем дело. Так вот. Сел писать своей возлюбленной Х. Долго что-то письма нет. Я весь изождался. И вот, на тебе, вместо письма от нее я получаю (в этот миг!) письмо от тебя. Эффект был поразительный!

Да. Действительно, Иван не склонен не только регулярно переписываться, но и встречаться, забегать попрощаться и т.п. Это вовсе не означало, что он знать не хочет того или иного человека – нет, просто вот такое было у него свойство необязательности. Так бывало и с очень близкими и любимыми друзьями. Много позже это огорчало людей, связанных и ним долголетней и глубокой дружбой – Лидию Корнеевну Чуковскую, Тамару Григорьевну Габбе.

Почему? От рождения, от социального опыта юности, получил он мощный заряд самостоятельности, независимости – и органического, полубессознательного противодействия любым обязательствам. Было это во всех сферах – служебной, дружеской, семейной – и создало ему, вероятно, немало трудностей в жизни, но и избавило от шагов, противоречащих внутреннему импульсу. Каждая палка о двух концах.

Под конец посмотрим на лица этих людей. Вот фотография, сделанная еще «давно», по приезде из Вятки.

Слева - умное энергичное лицо, кудри выбиваются из-под кепки. Конечно же, это С.И.Бухбиндер. Рядом с ней суровая молодая женщина. Мы видели ее на массовой фотографии младших детдомовцев. Мне кажется, что у нее была какая-то жизненная трагедия – и теперь ничего не осталось, кроме вот этих детдомовских детей. Она суровая – но не злая. Когда на плечах десятки, если не сотня малышей, а кругом – более чем суровая действительность – не до веселья. Уверен, что это – О.Иванова.

Рядом молодая женщина в кокетливой шляпке набекрень. На фотографии она серьезна – так принято фотографироваться на Руси чуть ли не до сих пор. Но стоит фотографу окончить свое дело – и ее жизнерадостность воскреснет, она так и брызнет шутками и смехом.

Ну, конечно же, это Нюся. Рядом с ней – ее друг, Михаил Полонский. Человек мягкий, очень привязан к Ивану: «***Если захочешь, заходи в Свердловку ко мне. А не захочешь – шут с тобой. Пиши, прохвост. Я писать буду.***» Он будет писать, вопреки тому, что Иван не пишет и не заходит... В центре – Иван. С маленьким ребенком. Господи, неужели и такие были детдомовцы? Это не ребенок кого-либо из сотрудников, иначе он был бы с папой-мамой. На фотографии полно взрослых – но малыш на руках у Ивана...

Опять Зиновьевский университет, опять детдом

Апрель-июнь 1924

Итак, Иван снова в Питере. И хотя еще год назад, в июне 1923, он писал Шуре, что не хотел бы дальше работать в детдоме, и хотя Университет его уже не притягивает, тем не менее вернувшись из тер-армии, он продолжает пока жить в этом русле. В черновике своей автобиографии отец пишет:

> ***После демобилизации в 1924 г. вернулся в Ленинград и был принят на основной (3-х годичный) курс Ком. Университета, но учиться там мне пришлось недолго.***

Детдом сразу берет его в работу. Он получает строгие записочки от О.Ивановой:

> ***<u>Вы должны ехать</u> на дачу вместе с нами. Это для пользы дела, для пользы всего <дет>дома. это наверняка нужно. Не могу понять, отчего вы сто раз меняете свои решения.***

Да, конечно, нужно. Да, для пользы дела. Но Иван не едет. Вам непонятно, почему? Ну, ничего не поделаешь. Не все можно обсуждать. Он не весь в детдоме. Полонский пишет ему 28 мая:

> ***Ваня! Я уже два дня на даче. Кое-что сделано, очень мало, потому что ребята знакомились с дачей, хотелось порезвиться. И кроме того, не привыкли еще ко мне ребята...***
> ***.....В общем, живем пока ничего, <u>ждем вас на субботу</u>...***
> ***Пока всего. Привет всем от всех. М. Полонский***
> ***28- V-1924 "Царство Майское".***

Полонский зовет его «на субботу», т.е. на день-два, а не «на постоянное пребывание». Ближайшие субботы в 1924 были 2 и 9 июня. В какую-то из них он и приехал, что подтверждается снимком. Вот

он стоит в серой рубашке, поодаль (тощий – просто скелет...). Недавно из армии – еще стрижка наголо. Поглядывает начальственно, но стоит в стороне, не вмешивается. Он – гость...

Вот еще фотография, сделана на даче, в тот же день. Большинство здесь – пионервожатые. Мы видим некоторых их них на фото пионерской линейки.

Около Ивана сидят новенькие детдомовцы, самые «дикие». Печать беспризорного детства уже нелегко стереть с их лиц и душ. Чего только не произошло в жизни этих двух девочек. И мальчик рядом с Иваном – даже рубашки нет у него, какая-то куртка на голое тело. И смотрит волчонком. Но сидят они все рядом с Иваном. Он - их опора в новом непонятном мире детдома. Внимание и понимание проявляются у Ивана молча. Вот посадил их рядом собой, и все. К чему слова... У него нет проблем контакта.

Но взгляд у Ивана тоскливый, отчужденный, мысли где-то далеко. В самом деле, – в чем его призвание? Или, житейски - а куда же направиться? Проще всего было вернуться после армии в Зиновьевский университет, в детдом, а там видно будет. Он и вернулся - но иная идея уже созрела.
Он уже сделал первый шаг, но ни Зиновьевский Университет, ни детдом о том еще не подозревают. Он и сам сомневается – получится ли.

Казалось бы – все идет как обычно, как всегда. Для нас, дорогой читатель, этот его жизненный поворот – детективная история, какие будут еще в его жизни. Попробуем ее разгадать.

Ленинские Искры и товарищ Зиновьев

Июнь-август 1924

История начинается с документа – вот этого, от 14 июля 1924, написанного синими чернилами и подписанного тремя персонами. Две из этих персон – важные, их подписи штампуют секретарши.

Р. С. Ф. С. Р.
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ
Коммунистический Университет
имени Я. М. СВЕРДЛОВА
14 Июля 1924 г.
№ 2482
гор. МОСКВА,
Малая Дмитровка, дом № 6.

Форма № 3.
Удостоверение
Дано сие студенту 4с
3 у 4 год курса Коммунистического
Университета имени Я. М. СВЕРДЛОВА
тов. Халтурину
И. И. в том,
что ему разрешен отпуск с
15/VII по 20/VII 24 г.
до станции Ленинград
М. Лядов
Ректор Университета
Секретарь Университета
Заведывающий Общим Отделом

Третья подпись - настоящая, сделана синими чернилами. Текст – на бланке Коммунистического университета имени – имени кого бы вы думали? Зиновьева? Вовсе нет! – имени Свердлова, который находился на Малой Дмитровке, дом 6. В Москве, а не в Ленинграде. Иван вдруг оказался студентом трехгодичного курса этого, тоже коммунистического, но московского университета.

Но только он успел приехать в Москву и поступить в Свердловку, как уже просит отпуск на пять дней и - опять в Питер. Зачем? Ну, за вещичками, подумает нормальный человек. И ошибется. Иван уезжает на пять дней и... не возвращается. Как же это: поступил на основной курс в Ленинграде, и вдруг оказался в Москве? Может быть, все надоело, так жить больше невозможно, пора, просто необходимо все изменить. Это чувство стало неодолимо. Он решает начать новую жизнь, ускользает из Ленинграда, едет в Москву и поступает в Свердловку.

Ну, что ж, звучит правдоподобно. Хотя – какая разница, чем это Свердловский так уж кардинально лучше Зиновьевского. Ну, допустим, лучше – почему же тогда он, проучившись пару недель, - опять едет в Ленинград и не возвращается?

А вот зачем. В Ленинграде его назначают зам. главного редактора новой пионерской газеты «Ленинские искры». Примерно 13 июля, будучи уже студентом московского Комуниверситета им. Свердлова, он получает из Ленинграда известие, о том что его зовут работать во вновь создаваемую газету. Он бросает все и едет в Ленинград. И действительно – он был назначен секретарем и зам. главного редактора пионерской газеты "Ленинские Искры" и 31 августа выпустил первый номер.

В 1964 году, 31 августа (сорокалетие «Ленинских искр»!) «Вечерний Ленинград» напечатал заметку заведующей пионерским отделом редакции «Ленинские Искры» Анны Мойжес.

ЭТО НАЧАЛОСЬ ТАК

В самом начале Невского проспекта, напротив здания Главного Штаба есть большой серый дом. Там в 1924 году на пятом этаже помещалась редакция газеты «Ленинские Искры», вернее… один редактор. Звали его Иван Игнатьевич Халтурин. Но мы, деткоры, звали его дядей Ваней. Дядя Ваня был тощий и очень длинный. Помню, разговаривая с ним, я до предела задирала голову кверху.

Я на всю жизнь сохранила доброе чувство к своему первому редактору дяде Ване. Ответственным редактором была Евгения Рубина, руководитель Ленинградской пионерии. Но практически редактировал газету И.И.Халтурин. Дядя Ваня относился к нам как к равным, шумно радовался нашему приходу, вскакивал из-за стола и начинал читать – что-нибудь свое, иногда только что написанное… Потом допытывался, понравилось ли, потом советовался, что поместить в номер. Разбирал наши заметки, кого ругал, кого хвалил. Он всегда ходил с большим, уже дырявым портфелем, набитым какими-то бумагами, заметками, журналами. Дядя Ваня был "и швец, и жнец и в дуду игрец". Он собирал заметки, занимался с нами, деткорами, правил статьи, сам писал, наблюдал в типографии за версткой, а потом, когда газета, еще пахнувшая типографской краской, складывалась в экспедиторской, вместе с нами перетаскивал ее в разукрашенную плакатами машину и мы отправлялись в рейс по всему городу - распространять эту, никому еще не известную в то время газету. По очереди кто-нибудь из нас вставал во весь рост и кричал, как заправский газетчик:

- Детская пионерская газета!… - Только три копейки!… - Покупайте для своих детей!… - Подписывайтесь!

Главный редактор (тов. Рубина) только числится, редколлегии еще нет, Иван опять свободен, как в свои юные годы! Он делает то и так, как считает нужным, никто не командует, куда он должен ехать, что должен делать... Вот это и есть то, о чем он мечтал!

Он проработал в Ленинских Искрах три года. Это был светлый период его жизни, вольная волюшка, азартная работа.

Но как же, как и почему он попал в «Ленинские Искры»? Об этом «Вечерний Ленинград» не сообщает. Предыстория пионерской этой газеты не просто мало известна. Она таинственная. Существует три версии. Одна из них принадлежит Ане Мойжес, эту историю она опубликовала по случаю сорокалетия газеты, в сборнике «Искорка», ежемесячном приложении к «Ленинским искрам» за сентябрь 1964. Вторую версию отец изложил в 1968 году, в своей статье «Как разгорелись Ленинские искры». Третья, «неофициальная версия – это то, что отец сам мне рассказывал.

Читаем версию Ани Мойжес.

…Однажды на пионерском слете Петроградской стороны **кто-то** из выступавших ребят сказал: - у всех есть своя газета – и у коммунистов, и у комсомольцев, а у нас нет. Присутствовавший тут же **ответственный комсомольский работник** сгоряча пообещал: будет и для вас, ребята, газета!

Пообещал, а выполнить обещанное оказалось не так то просто. В издательствах наотрез отказали: бумаги нет, типографии не все работают, печатных машин не хватает. Время-то какое: гражданская война только что кончилась....Что же делать? Слово – не воробей, вылетит – не поймаешь. Не хотелось **комсомольцам** прослыть среди ребят болтунами.

- Пойдемте в Смольный, в губком партии, - предложил вожатый самого первого Ленинградского отряда, Юрий Дитрих. Собрал он несколько отрядов, лозунг написал: «Даешь детскую газету!» - и повел всех **к Смольному.** Долго **шутили** потом над этой, так называемой, демонстрацией и **ретивым вожатым**. Ему еще и **попало:** зачем ребят взбаламутил?

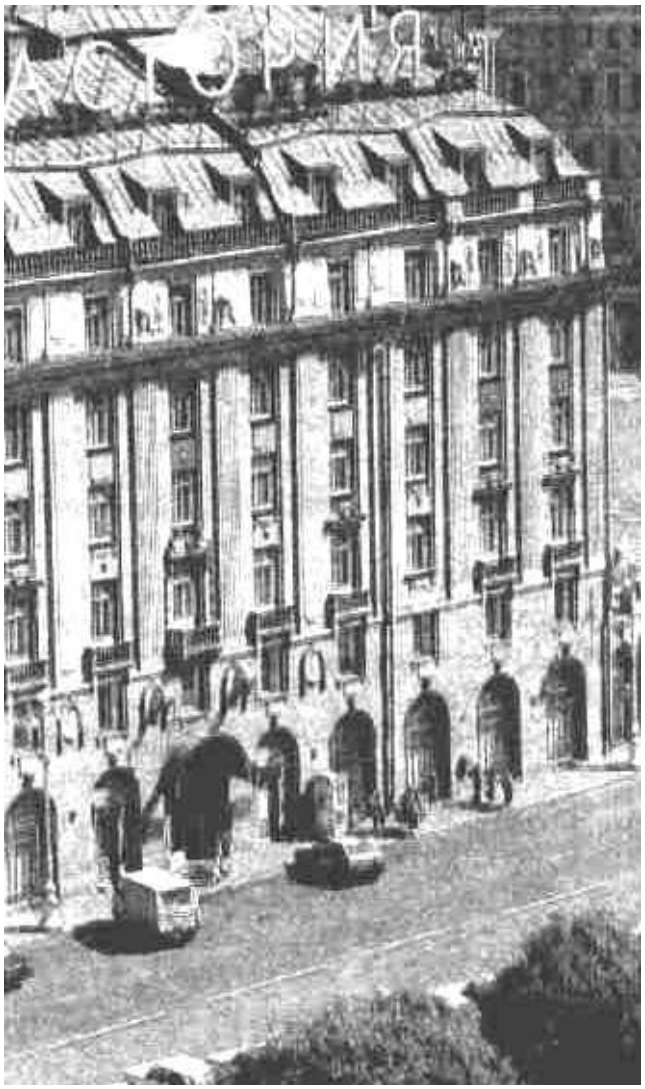
Тут есть ***зачинщик*** – Юрий Дитрих – и есть место, куда пошли демонстранты: ***Смольный***. Еще только 1924 год, а уже самочинные демонстрации, даже по таким вполне коммунистическим поводам – не поощряются. ***«Ретивому вожатому»*** попало. Интересно, в чем это выразилось? Аня не пишет. Лет через 10 никто бы на такую демонстрацию не решился. А кто же этот ***«сгоряча пообещавший, тут же присутствовавший ответственный комсомольский работник»?*** Неизвестно.

Иван Игнатьевич тоже опубликовал историю «Ленинских искр». Она была написана для журнала «Детская литература», и вышла в 1968 году. Сборник «Будь готов»» перепечатал эту статью в 1974 году, в связи с 50-летием газеты. Посмотрим эту вторую версию.

«Это было в 1924 году в Ленинграде. Я тогда работал в детском доме имени Карла Либкнехта; летом мы жили с ребятами в лагере на станции Всеволожская по Финляндской дороге. Однажды мне **сказали**, что в городе должна состояться **демонстрация пионеров**. Не зная, в чем дело, я ребят с собой не взял, **поехал туда один на велосипеде**. Около **гостиницы «Астория»** увидел толпу пионеров, которые кричали **неизвестно кому**: «Даешь пионерскую газету!», «Даешь пионерские искры!» Из гостиницы никто не появился, не вышел даже швейцар. Ребята покричали, пошумели, спели несколько песен и разошлись. А через несколько дней меня вызвали в Смольный, в губком комсомола, и назначили заместителем редактора будущей пионерской газеты. За «самодеятельную демонстрацию», которой я был **свидетелем**, ее **зачинщики получили нагоняй**, но просьбу ребят решили выполнить.

В обоих случаях совпадает очевидное: ***«зачинщики получили нагоняй»***. Но вот – на велосипеде из Всеволожской в Питер? Далековато... И что-то я не помню, чтобы отец вообще ездил на велосипеде. И почему бы не на поезде? Странно. «Летом мы жили с ребятами...».

Когда он там «жил»? Приехал *на субботу* в начале июня – а потом уехал в Москву. Ну, это еще ладно. А вот место, куда шли «демонстранты», уже другое – гостиница Астория. Гостиница! А не Смольный... К кому же шли пионеры в гостиницу? Кому они кричали? Кому пели песни? ***«Неизвестно кому».*** Ну, не знал – спросил бы – и узнал. Такую даль приехал на велосипеде, чтобы узнать, да так и не догадался спросить? Ребятам-то было известно, и тем более, «зачинщикам». И сам то он – почему на своем фантастическом велосипеде приехал именно к Астории? А не в Смольный? Но Халтурин этого не сообщает. А это важный момент. Не зря же они пришли именно сюда, а не в Смольный. Видимо, там этот неизвестный находился и это было всем известно.



Неизвестный ***«не появился».*** Однако же («за все время разговора он стоял позадь забора»): все видел, все слышал и все понял. И уже через несколько дней этот аноним отреагировал. В Смольный вызвали не кого-нибудь – а Ивана Халтурина. Просьбу *решили выполнить* – но кто решил? Кто вызвал? Кто назначил? Имен нет, одни безличные обороты... Это становится интересным.

Мне отец рассказал несколько другую историю. Тут нам и придется вспомнить тов. Евсея Зиновьева.

Пионерское движение возникло в Петрограде в 1923 году и к началу 1924 стало массовым. Папа вел кружки политграмоты и деткоров в нескольких отрядах, которые были тогда еще не при школах, а при заводах. Как мы знаем, у него был к тому времени опыт организации и работы в молодежных газетах-журналах. Если в Вятке удалось организовать молодежную прессу, то тем более это можно, да и необходимо, сделать в Ленинграде.

Так вот, в мае 1924 Иван собирает пионеров и ведет их (в колоннах, честь по чести) на Исаакиевскую площадь, которая тогда называлась площадь Воровского[1]. Там они встают перед гостиницей **Астория**, где жил руководитель петроградских коммунистов Григорий Евсевич Зиновьев (настоящее имя которого было Евсей), и начинают хором кричать:

«Да-ешь га-зе-ту!! Да-ешь га-зе-ту!!
Да-ешь га-зе-ту!!"

Это был выходной день, Зиновьев был дома. Через некоторое время он сам появляется на балконе второго этажа. Был он полноват, одутловат, всегда ходил в толстовке, подпоясанной шнуром. Г.Е. с ходу произносит пламенную речь и в конце ее говорит:

- Ребята, газета будет!

[1] Воровский был революционер, потом советский дипломат. Его убил террорист в 1923, в Лозанне.

И действительно, 31 августа 1924 вышел первый номер, и газета стала издаваться регулярно, в течение более 70 лет.

Так вот где собака зарыта, вот почему такие тайны с этой детской демонстрацией. Бывший любимый вождь питерских коммунистов товарищ Зиновьев стал вскоре врагом народа и был отправлен на тот свет. Упоминать его имя в печати даже в 1960-х годах было невозможно, в халтуринской публикации пришлось ему стать «неизвестно кем», который все слышал, но почему-то не вышел. Конечно же, никто, кроме городского вождя, никакой «ответственный работник», комсомольского уровня не мог «сгоряча» обещать газету.

Я в точности описал то, что я помню из папиного рассказа. Дальше начинается моя реконструкция событий. Григорий Евсеевич слов на ветер не бросал. Пообещав «*газета будет*», он сразу же вызвал Евгению Рубину, руководившую ленинградской пионерорганизацией, и сказал: ***«сделаешь газету к началу учебного года»***. Тогда было неприлично партийцам обращаться на службе на «Вы». Рубина начинает что-то делать.

Ну, хорошо, есть газета, есть Рубина – а при чем же тут Иван и его прыжки Ленинград – Москва – Ленинград? Как я помню, отец сказал, что демонстрацию он организовал в мае. В июне он был еще в Ленинграде. Но если он уже услышал с балкона **«Ребята, газета будет!»** - зачем тут же уехал в Москву? Допускаю, что я мог забыть, или даже отец сам не точно назвал месяц. И демонстрацию он устроил, уже вернувшись из Москвы, т.е. в июле. Тоже нелогично. Почему вернулся, если никаких сведений о газете еще не было и вообще никто об этом не думал. Вернулся, чтобы демонстрацию устроить? Зачем тогда было уезжать?

Остается предположить, что устроил он демонстрацию действительно, в мае. Может, потому и на дачу не поехал. Не до того было. Демонстранты его были не детдомовцы, народ еще дикий и ненадежный. Он взял городских ребят, своих кружковцев, они «профессионально заинтересованы». И услышал с балкона обещание. Ура! Победа!

А через пару дней вдруг оказалось, что уже назначен редактор, известная ему Рубина, а он не при чем... А может, даже начались поиски *зачинщиков* на предмет *нагоняя*. В те времена *нагоняй* уже не сводился к тому, что скажут «Ай-яй-яй, нехорошо, не надо так делать».

Он решил, что ничего из его затеи не вышло. Может, потому на даче и смотрит так тоскливо. В порыве отчаяния он рванул в Москву. А там – куда податься? Только в Свердловку...

А что же газета? Время идет, а дело ни с места. Рубина раньше этим не занималась, душа у нее к этому не лежит. Газета не движется. Но ведь Вождь сказал ***«надо, Женя!»*** А это не шутки. Зиновьев был тогда среди вождей на 3-4 месте, малоизвестный Сталин был далеко позади него. Срок уже близенько. Как быть? И тут в Ленинграде вспоминают, что ведь есть такой Иван Халтурин, который еще в Вятке этим делом занимался и здесь, в Питере, детей этому учит.

- А подать сюда Тяпкина-Ляпкина, то бишь, Халтурина! - говорит пионерская вождь.

- Нет его, - говорят, - был, да весь вышел... В университете не знают, в райкоме не знают. Наконец-то раскопали, что он уже в Москве. Шлют ему (в начале июля) телеграмму: так мол и так, Ваня, выручай. А Ваня еще ерепенится. Спрашивает:

- А полная свобода будет?

- Да, конечно будет, только приезжай.

И тогда, почуяв запах свободы и любимого дела, Ваня берет отпуск на 5 дней (на всякий случай соломки подстелил) и насовсем уезжает в Ленинград. А Свердловский университет как же? А, какая разница! Зиновьевский, Свердловский... он ведь не университет искал в Москве. Да и вообще - оба ему не по характеру.

Вот такое объяснение мы нашли этой загадочной истории.

Ваня лихо берется за дело. Все пути ему открыты (приказ самого тов. Зиновьева!). 40 дней он неистово работает с пионерами, фотографами, наборщиками, корректорами, распространителями газет и множеством людей других профессий. И в назначенный день, к началу учебного года, 31 августа выпускает первый номер. Знай наших!

Уход из Зиновьевского Университета и из партии.

Конечно есть еще Ком. Университет Зиновьева, в котором он числится и как студент, и как член партии. Так что он не только числится, но и бывает в университете. И приходится что-то делать по их поручению. Ну, например, читать лекцию в Народном Доме о сущности Рождества. Но душа его – в газете, и про университет он забывает.

Но университет его не забыл. Ему звонят, он как-то оправдывается, но ничего не делает. Ответ не заставил себя ждать.

ВЫПИСКА из ПРОТОКОЛА № 16

Заседания бюро К-ва РКП ун-та им.т.ЗИНОВЬЕВА
От 2/II-25 года.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. Иванов, Гудерис, Янсон, Ульга, Важнов, Барабаш, Маркевич, Рыбин, Чижик.

С Л У Ш А Л И:	П О С Т А Н О В И Л И:
II. Неуплата членских взносов.	
II/ тов.ХАЛТУРИН. Ив.Игн. Не платил чл. взносов с октября 24 года, включительно. Мотивирует: болезнь и не оформленность кружка печати, где он состоит.	II/ Причины не уважительны, Об"явить тов.ХАЛТУРИНУ строгий выговор с предупреждением в случае повторения несвоевременной уплаты передать дело в Р.К.К. Просить райком принять членские взносы.

Председатель: /В.ИВАНОВ/

Секретарь: /М.РЫВИН/

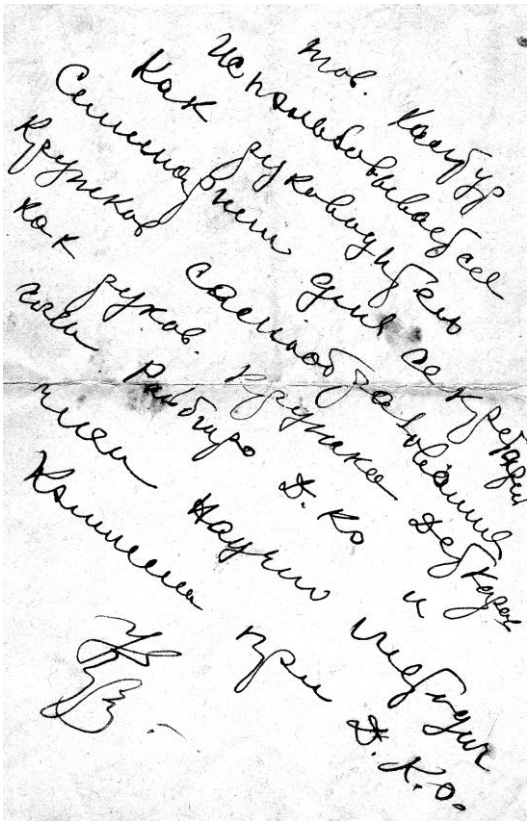
С подлинным верно:

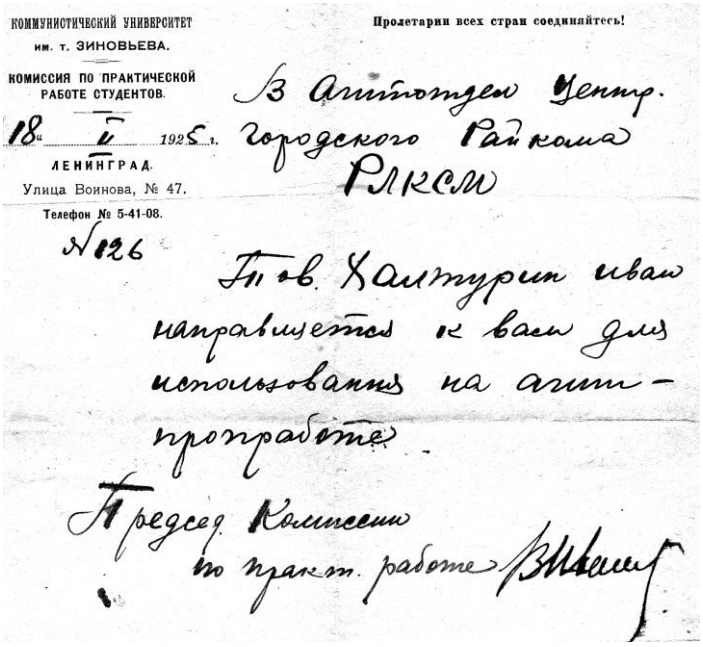
С тех пор ему уж совсем не хотелось ходить в Университет и состоять в их партколлективе.

Вот эта загадочная фотография из архива отца тревожит мое воображение. Ни одного «знакомого лица». Почему отец сохранил ее?

Что делают эти семеро? Они собрались, чтобы решить что-то. Что? Девушка записывает только что прозвучавшее решение. Глаза ее опущены, ее дело – записать, вникать она не должна. Меня не оставляет чувство, что это судилище, которое решает «персональные дела». Все они (в разной мере) преисполнены чувством своего права решать чьи-то судьбы. Один только парень, справа, с черным воротником, в этом не совсем уверен, но... Сидящий сзади подпер рукой голову. Несколько театральная задумчивость. Кто это? Видимо, кто-то рангом выше, кто-то «сверху». Он присутствует, дабы убедиться, что процесс идет *как надо*.
Если это действительно снимок руководства партколлектива зиновьевцев – понятно, что отец тяготился этим партколлективом, и был одинок в университете.

После выговора Ивана направили в Агитотдел райкома. Какую-то работу он там вел. На обороте этого документа Агитотдел подтвердил, что именно он делает. Не мало, между прочим. Но все же ходить в Университет Иван перестал, и выполнять их партийные поручения было ему совершенно неохота. Да и некогда. Шутка сказать, человек делает




КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. т. ЗИНОВЬЕВА.
КОМИССИЯ ПО ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ.
ЛЕНИНГРАД.
Улица Воинова, № 47.
Телефон № 5-41-08.

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

18 ii 1925 г.

№ 126

В Агитотдел Центр. Городского Райкома РЛКСМ

Тов. Халтурин Иван направляется к вам для использования на агит-проработе.

Председ. Комиссии по практ. работе

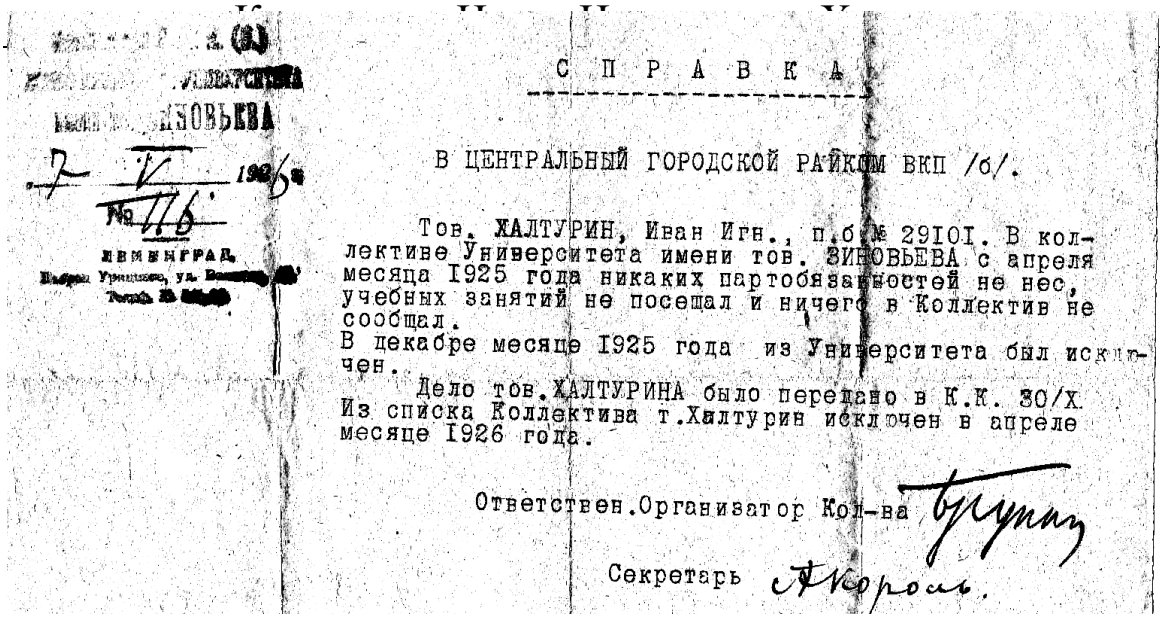
настоящую газету! Дело нужное, и совершенно не противоречит идее коммунистического воспитания детей. А что бы университетскому коллективу поинтересоваться газетой, да просто зачесть эту работу как партийное поручение!
Но нет, придираются: выполняй *наше* поручение, болезнь, видите-ли – причина неуважительная...

Деньгин в октябре 1925 написал Ивану в своей парадоксально-ироничной манере:

Относительно твоей учебы. Боюсь, все равно толку не будет. Черного кобеля не отмоешь добела, а тебя не научишь хорошему.

Ну, взносы он, вероятно, все же заплатил, в университете побывал раза два. Так тянулось довольно долго. Наконец, Университет решил принять строгие меры. В декабре 1925 его исключили из Университета, а в апреле 1926 – «из списков коллектива».

Я не думаю, что отец сознательно решил уйти из партии, да еще таким хитрым и дальновидным способом. Ни он, ни партия не были к этому готовы. Он еще не созрел для решительного отречения от нее, партия еще не стала такой казенной и нетерпимой не только к инакомыслию, но и к уклонению от формальных правил поведения. Она еще не стала массово пожирать своих детей. Этот процесс хоть и пошел уже, но его еще не замечали. А отцу не хотелось об этом думать и принимать какие то решения. Все произошло «само». И думаю, ни та, ни другая



С П Р А В К А

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОРОДСКОЙ РАЙКОМ ВКП /б/.

Тов. ХАЛТУРИН, Иван Игн., п.б.№ 29I0I. В коллективе Университета имени тов. ЗИНОВЬЕВА с апреля месяца I925 года никаких партобязанностей не нес, учебных занятий не посещал и ничего в Коллектив не сообщал.
В декабре месяце I925 года из Университета был исключен.
Дело тов.ХАЛТУРИНА было передано в К.К. 30/X.
Из списка Коллектива т.Халтурин исключен в апреле месяце I926 года.

Ответствен.Организатор Кол-ва

Секретарь

сторона не придали этому происшествию большого значения. В справке, которую коллектив послал в райком даже написано, что исключен он не из партии, а из списка коллектива.

Что ж, звучит нормально: раз ты теперь не учишься в нашем Университете, то и в списках коллектива не должен состоять. Исключение из партии, видимо проводилось где-то выше, в райкоме, например.

Как мне помнится, в справке, которую имела моя мама, была формулировка, что он ***механически выбыл*** из партии за непосещение собраний и неуплату взносов. Я знаю, что маму вызывали ТУДА несколько раз и каждый раз спрашивали грозно:

- Почему Ваш муж был исключен из партии?

На что мама всегда тихо отвечала:

- Он не был исключен, а выбыл механически.

Через 10 лет исключение из партии в прошлом неизбежно приводило к каторге в настоящем. Моему отцу такой судьбы удалось избежать, но причина остается загадкой. Добавлю, что когда я спрашивал об этом папу, он неизменно отвечал:

- Но это ведь была лотерея, и мне случайно выпал такой билет. К тому же у меня не было врагов...

Конечно, папа никогда не жалел об этом эпизоде и был рад, что он случился достаточно рано. Но что действительно было ему мучительным – так это заполнение анкет, написание биографии, и прочих бумаг, требуемых в каждом советском учреждении[1]. После 1946 он уже нигде не работал как штатный сотрудник. Он числился членом Союза Писателей, это гарантировало его от обвинений в тунеядстве, по которому, как вы помните, был осужден и сослан Иосиф Бродский... Но Союз Писателей - это такое же советское учреждение как и другие, а может быть и почище. Недаром в заместителях председателя Союза ходили генералы КГБ. Там тоже требуют анкеты, проводят перерегистрацию и т.д.

[1] До смешного! Например, при поступлении в Университет в 1945 году мы, абитура рождения 1925-27 гг., должны были в анкете дать «полные ответы» на вопросы – «*чем занимались до 17-го года? Служили ли в белой армии? В каких партиях состояли?*» Появлялись и дополнения: «*были ли в плену или окружении?» Недавно мы узнали, что и в 1970-х задавали абитуре (детям нашим!) те же вопросы…*

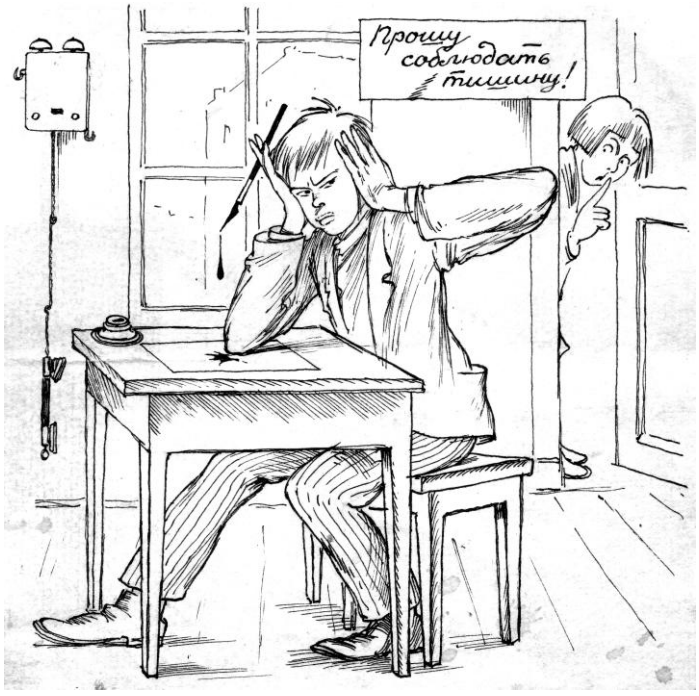
И вот, где-то начале 50-х годов, задумали провести "инвентаризацию" всех членов Союза Писателей. В анкете было множество вопросов, в том числе:

1. Соц. происхождение
2. Образование, что кончали?
3. Что делали до 17 года, были ли в других партиях, в каких, где, когда?
4. Какую общественную работу ведете в Союзе?
5. Состоите ли в ВКП(б)? Имели ли выговоры по партлинии? Были ли исключены из партии: где, когда, кем и за что?

Кроме анкеты надо было написать автобиографию, составить трудовой список (где, когда, кем работал?) и перечень опубликованных работ.
Уже на первые три вопроса надо составить обтекаемый ответ. Нельзя же написать что его отец был приказчиком и мечтал быть купцом; что Ком. Университет не кончил, а бросил и был из него исключен; что в 1918 году примыкал к эсерам.

На четвертый вопрос вообще нечего ответить. А в 5-ом вопросе уже содержится серьезная угроза. Ответишь правду - потом поминай как звали. Иван, как обычно, тянет резину. Из Союза звонят («*все уже сдали*»). Вера Васильевна[1] пилит и каждый день заставляет сесть за стол. И вот под этим давлением он вынужден писать жалкие покаянные слова: «*я был очень занят, учебу пришлось забросить. В результате я был исключен из Университета. Я начал пить, пережил длительную депрессию. потерял связь с парторганизацией, не посещал партсобраний, не платил взносов и в конце концов оказался механически выбывшим из партии.»* Но этого показалось мало, и в следующем варианте он добавляет: «*Это была трагическая ошибка моей жизни, за которую я расплачиваюсь всю свою жизнь и всю жизнь жалею...*»

Писать самому такие слова... Вот что терзало его и было для него настоящей трагедией...Не думаю, что он тогда, в 1925, ***«начал пить»*** - он делал газету! Но к запоям в СП относились с пониманием...



1924-1926, Ленинград

Ну, а теперь – вернемся в эпоху «Ленинских искр». Это был светлый период его жизни. Он свободен, делает то, что ему нравится, много работает с детьми и мало со взрослыми.

Метания его и любовь к Шуре отодвинулись на задний план и забыты. Он уверенно входит в журнальный мир Ленинграда. Время еще было относительно свободное, литературная жизнь еще не была зарегламентирована. Главлит хоть и существовал, но с ним можно было спорить. А главное - все что Иван делал, было в русле коммунистического воспитания детей и никак не противоречило партлинии. Поэтому ему помогали на разных уровнях или, по крайней мере, никак не мешали. Помимо «Ленинских искр» и комсомольской газеты «Смена» возникают детские журналы. «Воробей», «Новый Робинзон», «Красный Галстук», потом «Еж» (Ежемесячный Журнал) и «Чиж» (Чрезвычайно Интересный Журнал) - он везде успевает участвовать и писать заметки и статьи.

Помимо «Ленинских искр» в это время он:

занимается организацией пионердвижения, он - член Северо-Западного бюро юных пионеров;

[1] В.В.Смирнова, литературный критик, жена Ивана Игнатьевича

вожатый пионеротряда в детском доме;
руководитель пионерско-комсомольского кружка и сотрудник газеты «Смена»;
руководитель деткоровской работы по всему Ленинграду.

Несколько позднее он еще и:

член редколлегии журнала «Новый Робинзон»;
зам. редактора журнала «Красный Галстук»;
зав. отделом печати Ленинградского областного пионеркабинета.

Господи, сколько дел он делает одновременно! И перечень этот, конечно, далеко не полон. Газета нашла читателя, Иван Халтурин обрел желанную свободу. Университет позади, время ученичества прошло. Так продолжалось довольно долго, наверно, года полтора.

Но счастье независимости не вечно. В 1968, в своей статье «Как разгорались...», отец пишет:

> *Постепенно редакция обрастала людьми*[2]*. Мы всё время искали и новый материал, и формы подачи его детям, обсуждали каждый номер.* ***Были горячие споры, случалось, что в пылу дебатов несогласные «подавали в отставку».***

Да, конечно. Опять «споры до петухов». Кто же эти «***несогласные***»*?* Спросим Колю Деньгина. Деньгин пишет Ивану в октябре 1925:

> В связи с конференцией Локарно, разгромом компартии Англии и гражданской войной в Китае немного заболел. Температура 40 по госпирту, редко когда 30 бывает. Но я не унываю и готовлюсь к наступлению на международный капитал и к борьбе с представителями 2.5-го Интернационала сиречь Берма-на и К°. Я крайне был удивлен, когда увидел последний номер «Ленинских Искр», качество которого велико есть, и находился в недоумении, почему. После твоего письма стало все ясно. Оказывается, вызвано твоим уходом. Ну, что ж, скатертью дорога, воздух чище и добрым людям не будешь мешать делать различные глупости, на которые талант у них колоссальный.

Берман-то вряд ли хлопнул бы дверью из принципиальных соображений, а с Иваном это бывало, и не раз, и будет еще. Но тогда, в 1925 году, отец, конечно, вернулся в «Искры».

[2] В редакции появился Лазарь Берман и, кстати говоря – Лия Пекуровская, моя мама. Так что рождением своим я обязан Ленинским искрам. *(В.Х.)*

В 1927 праздновали трехлетний юбилей газеты. Не знаю, отмечался ли он в городском масштабе, но в газетных кругах это было событие. Газетный художник, не знаю кто, нарисовал юбилейную картинку. И хоть оба героя - соавторы юбилейной брошюрки, но особой любви между именинниками не чувствуется. Иван Игнатьевич глядит и вовсе свирепо. Некоторые наши читатели даже узрели, что участники тянут газету каждый к себе. Что ж, похоже на то. Мы знаем, что Иван любит работать, но - по-своему, а приспосабливаться не хочет и не может.

Маршак написал к юбилею стишок:

Три года "Ленинским Искрам"

Ребячий отдел ГосИздата
Поздравляет дорогого собрата
С днем трехлетнего юбилея.
Вы работали, сил не жалея.
Иван Халтурин
(чей портрет всегда нахмурен),
Деткор четырехглазый,
Неутомимый Берман Лазарь,
И все деткоры и деткорки
И в Ленинграде и в Нью Йорке,
И ты, товарищ Боровой,
Газеты верный часовой,
Наборщики, корректора,
Вам всем - Ура!
Привет от Николая Олейникова,
Чей девиз "никогда не жалей никого".
От редактора, Старк Аси,
Близкой пионерской массе.
И от деткора Маршака.
Пока.

Пока, дорогой читатель

Конец первой части

Аннотация

Альманах Семейная Мозаика № 4
В.И.Халтурин и Т.Г.Раутиан
Иван Игнатьевич Халтурин
Часть 1. Комсомольская юность
71 стр. Тираж 90 экз.
Изд. Своя компаниЯ
Москва – Таппан 2003.
Распространяется бесплатно.

Иван Игнатьевич Халтурин (1902-1969), литератор и критик, отец, дед, прадед и даже пра-пра-дед ныне здравствующих членов нашего семейства. Авторы прослеживают его жизненный путь, разгадывают его личность – характер, мысли и решения – на основе собственных воспоминаний и публикаций, скупых упоминаний, сохранившихся документов и фотографий, писем и записок, написанных им и ему. Первая часть, «Комсомольская юность», охватывает его жизнь в переломную эпоху – 1917-1927 г.